

Ad Marginem

Стефан
Цвейг

Бразилия.
Страна будущего

Стефан Цвейг

Бразилия. Страна будущего

«Ад Маргинем Пресс»

1940-1941

УДК 821.112.2(436)+91:39+94(81)+908(81)
ББК 83.3(4Авс)5+26.89

Цвейг С.

Бразилия. Страна будущего / С. Цвейг — «Ад Маргинем Пресс»,
1940-1941

ISBN 978-5-908038-91-1

Стефан Цвейг (1881–1942) объездил полмира и жил в разных странах, но именно Бразилии суждено было стать последним пристанищем знаменитого австрийского писателя. Он был очарован этой бывшей португальской колонией, преобразившейся из узкой полосы побережья в пятую по величине страну мира, и воспел ее в своей книге. Цвейг увлекательно повествует об истории Бразилии, живописует ее города и подмечает удивительные закономерности развития. Противопоставляя новую родину разрушающей себя Европе, Цвейг считает, что за Бразилией будущее: ведь ее потенциал поистине неисчерпаем, а ее миролюбие — залог счастья и успеха.

УДК 821.112.2(436)+91:39+94(81)+908(81)

ББК 83.3(4Авс)5+26.89

ISBN 978-5-908038-91-1

© Цвейг С., 1940-1941

© Ад Маргинем Пресс, 1940-1941

Содержание

Поэтика изгнания: Бразилия Стефана Цвейга	6
Введение	13
История	19
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Стефан Цвейг

Бразилия. Страна будущего

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2026

Переводчик Дарья Андреева

Поэтика изгнания: Бразилия Стефана Цвейга

Е. Н. Васина

Даже в бездне ужаса, из которой мы выбираемся ощупью, впотьмах, с растерянной и измученной душой, я снова и снова поднимаю глаза к тем звездам, которые светили над моим детством, и утешаюсь унаследованной от предков верой, что этот кошмар когда-нибудь окажется лишь сбоем в вечном движении Вперед и Вперед¹.

Стефан Цвейг

История отношений Стефана Цвейга с Бразилией парадоксальна и полна контрастов: страна, которая приютила его в изгнании, стала местом трагического финала. Впервые оказавшись здесь в 1936 году, он словно заново открыл мир – радость жизни, буквально разлитая в воздухе, человеческое радушие и сердечность, великолепная тропическая природа, от которой трудно отвести взгляд. Цвейг мог бы повторить за Америго Веспуччи: если земной рай существует, он где-то здесь. Но именно здесь, в Петрополисе, 22 февраля 1942 года, в разгар карнавала, этого праздника торжества и обновления жизни, писатель тщательно спланирует и совершит самоубийство, навсегда связав свой трагический уход с так горячо любимой им Бразилией – как будто свет обретенного им рая не смог разогнать тьму европейской катастрофы.

Бразильская история Цвейга началась за четыре года до первого визита – с письма владельца издательства «Гуанабара» Абрама Когана 11 июня 1932 года. К этому времени книги Цвейга уже пользуются огромным успехом в Бразилии и молниеносно расходятся в «пиратских» изданиях небольших местных типографий. Узнав об этом, писатель в том же 1932-м передает авторские права «Гуанабаре». Коган становится не только его издателем, но и проводником: помогает выстраивать связи, открывает двери, знакомит со страной, которая будет для Цвейга новым убежищем.

Когда в 1936 году по приглашению Министерства иностранных дел Бразилии Цвейг впервые ступил на бразильскую землю, витрины книжных магазинов уже предлагали около тридцати его произведений, а на лекции приходили тысячи людей. Контраст с Европой был разительным. Там его книги дважды сжигали нацисты в рамках «акции против негерманского духа», в 1933 году в Берлине, а затем в Австрии в 1938-м, после аншлюса – присоединения родины Цвейга к Третьему рейху Гитлера.

Девять дней в Рио превратились в марафон переполненных залов: Бразильская академия литературы, Национальный институт музыки, Министерство иностранных дел – слушатели стояли у стен. Это был триумф. И давно забытое чувство радости от ощущения своей нужности читателям. После Рио была поездка в Сан-Паулу; затем – в Буэнос-Айрес, где писатель представлял Австрию на Международном конгрессе ПЕН-клуба. Цвейг искал не только новое убежище, но и смысл; Бразилия отвечала ему признанием и вниманием – в шуме залов он снова слышал собственный голос. Поэтому его история здесь – не просто глава биографии, а универсальная драма о том, как надежда и отчаяние идут рядом, пока не решится, кто окажется сильнее.

В четверг, 27 августа 1936 года, перед огромной аудиторией, собравшейся в Национальном институте музыки в Рио-де-Жанейро, Стефан Цвейг прочитал одну из самых важных лекций, раскрывавших суть его мировоззрения. В этом выступлении – под недвусмысленным названием «Духовное единство мира» – писатель, в частности, говорил: «У каждого из нас

¹ Цвейг С. Вчерашний мир. Воспоминания европейца. Перевод с нем. Г. Кагана // Вчерашний мир. Предисл. Д. Затонского; Вступ. статья К. Федина. М.: Радуга, 1991. С. 45. – Здесь и далее в предисловии примеч. его автора Е. Н. Васиной.

есть бесконечное множество миссий, которые мы должны выполнять в тишине. Мы должны воздерживаться от любых слов, способных усугубить недоверие между людьми и народами; и, напротив, мы обязаны использовать любой случай, чтобы по достоинству оценить достижения других рас, народов или наций. <...> Собственным примером мы, старшие, должны показать, что свободное восхищение чужими ценностями не ослабляет внутреннюю силу души, а, напротив, укрепляет ее; и только те, кто умеет обновлять свой идеализм и свой энтузиазм, обретают духовное омоложение»². «Свободное восхищение чужими ценностями» станет для Цвейга определяющим в его видении и восприятии Бразилии.

После короткого визита в Рио-де-Жанейро в конце августа – начале сентября 1936 года Стефан Цвейг создал серию из девяти миниатюр. Написанные уже по возвращении в Англию (писатель жил там с 1935 года), они сначала вышли в октябре—ноябре 1936-го в немецкоязычной газете *Pester Lloyd*, издававшейся в Венгрии. Год спустя венский издатель объединил эти тексты, сопроводив их названием «Небольшое путешествие в Бразилию», с несколькими другими работами писателя в сборник «Встречи с людьми, книгами и городами».

Узнав об эссе о Бразилии, Абрам Коган запросил разрешение перевести и напечатать его в своем издательстве, но Цвейг ответил вежливым отказом: Бразилия так захватила его, что он хотел вернуться, увидеть страну ближе и превратить заметки в полноценный очерк. В июне 1937 года он писал Когану: «Уважаемый господин Коган, если это будет возможно, я приеду в Бразилию в следующем году на длительный срок, чтобы получить более точное представление о вашей прекрасной стране, и я намерен написать о своем путешествии»³. Однако возвращение в Бразилию не было таким скорым, как планировалось. Во введении к книге «Бразилия. Страна будущего» Цвейг признается: «В 1938-м пала Австрия, и все снова медлило, дожидаясь более спокойных времен. Потом, в 1939-м, пришла очередь Чехословакии, затем разразилась война в Польше, а дальше – общеевропейская самоубийственная война всех против всех. Мое желание хоть ненадолго вырваться из рушащейся действительности в ту, где жизнь течет мирно и созидательно, становилось всё сильнее; и вот наконец я снова приехал в эту страну, подготовившись лучше и тщательнее, – в надежде, что теперь смогу набросать какой-никакой ее портрет»⁴.

Цвейг возвращается в Бразилию в августе 1940 года и остается здесь почти на шесть месяцев, путешествуя по всей стране и собирая материал для новой книги. Но Бразилия, встретившая писателя с таким восторгом и радушием четыре года ранее, за это время значительно изменилась. После неудачной попытки переворота 1938 года начинается эпоха «Нового государства» Жетулиу Варгаса: оппозиционные партии запрещены, цензура ужесточена, выстроен централизованный репрессивный аппарат, а политические симпатии власти явно склоняются к режимам Гитлера и Муссолини. Поэтому второй приезд писателя встречен уже не единым восторгом. Пресса упрекает Цвейга в нежелании открыто осуждать и нацистскую Германию, и правую диктатуру Варгаса. Он осторожен: став после аншлюса апатридом, то есть человеком без гражданства, писатель надеется на постоянную бразильскую визу – право на передышку и работу. И всё же на фоне европейского кошмара Бразилия времен «Нового государства» видится ему островом доброжелательности и терпимости. Бразильский журналист и один из лучших биографов Цвейга Алберту Динес, автор книги «Смерть в раю. Трагедия Стефана Цвейга», сформулирует жестко и точно: в своей «Бразилии» Цвейг «создавал рай в аду „Нового государства“»⁵. Контраст, который многое объясняет – и в этом тексте, и в судьбе писателя.

² Мой перевод – Е. В.

³ Мой перевод – Е. В.

⁴ Здесь и далее, если не указано иное, цит. по наст. изд.

⁵ Мой перевод – Е. В.

Цвейг завершает «Бразилию» в январе 1941 года – уже в Нью-Йорке. И в самый разгар Второй мировой войны она выходит на шести языках: в августе-сентябре 1941-го были опубликованы бразильское и американское издания, а в конце того же года – немецкое, шведское и португальское. В начале 1942 года вышли французское и испанское издания. Так родилась книга, которая, пожалуй, сделала для формирования образа Бразилии в мире больше, чем многие фундаментальные исследования и исторические труды. Конечно же, это субъективное повествование о той стране, в которой австрийский писатель увидел альтернативу Европе, погруженной в страшную человеконенавистническую бойню. Но до сих пор, спустя более чем восемьдесят лет после публикации книги, голос Цвейга – ясный, увлекающий – продолжает задавать тон разговорам о Бразилии у тех, кто приезжает сюда из Старого Света, и, признаюсь, звучит в той же тональности, что и мои личные впечатления об этой стране.

«И вот раздается шорох шасси: ты наконец на земле – на самой прекрасной земле мира». Писатель начинает свое бразильское путешествие с Рио-де-Жанейро – и лучшего начала не придумать. И Цвейг – не первый и не последний, кого этот город сразу же ошеломляет и влюбляет в себя: «И вот мы прибыли в Рио – одно из самых мощных впечатлений, выпавших на мою долю. Я был очарован и вместе с тем потрясен». Цвейг снова и снова будет возвращаться к мысли о невозможности описать увиденное: «Слова тут бессильны, фотографии тоже – так многолик, необозрим и неисчерпаем здешний ландшафт». И еще: «Тот, кто хоть однажды видел Рио, не станет со мной спорить: краше города нет на Земле, и нет города непостижимее и необъятнее. Познать его в полной мере невозможно». Остается лишь признать: «Этот город чарует всегда. Чем дольше его знаешь, тем больше любишь».

Божественно красивый пейзаж Рио как метафора первозданной – райской – гармонии мира становится лейтмотивом книги, ее камертоном: она задает интонацию всему, что автор увидит в стране, – союзу моря и гор, города и тропиков, щедрой красоте тропической природы. И не случайно, что «гармония» – это одно из ключевых слов в описании Бразилии. Цвейг видит продолжение гармонии райской природы и в самой жизни, когда «ничто не сочетается – и всё же находится в какой-то непостижимой гармонии», и «в несравненном искусстве [бразильцев] гармонично разрешать любые противоречия».

Конечно же, Цвейг смотрит на Бразилию глазами европейца в изгнании, человека, которого в первую очередь привлекает новое, непохожее на всё то, что он знал раньше и в чем горько разочаровался. Бразилия у него – это «совершенно новый тип цивилизации», лаборатория синтеза, где, как в огромном тигле, происходит не разделение, а смешение различных рас и культур. Писатель не раз возвращается к размышлениям о том, что «якобы пагубный принцип смешения, этот кошмар, „прегрешение против крови“, которым одержимы наши расовые теоретики, здесь вполне осознанно положен в основу национальной культуры». Для того, чьи книги сжигали и кого лишили дома, «смешение» – не метафора, а этика будущего, в котором различие становится ресурсом, источником общей энергии и нового единения. Поэтому Цвейг особенно ценит то, что в Бразилии три человеческие расы, «отличающиеся даже цветом кожи, живут в полном согласии и, несмотря на различное происхождение, состязаются лишь в стремлении все различия преодолеть, чтобы как можно скорее и бесповоротнее стать бразильцами – новой, единой нацией».

Бразилия в книге Цвейга звучит подобно симфоническому оркестру, в котором голоса различных инструментов складываются в музыку совместной жизни. Спустя три десятилетия, в 1974 году, один из ведущих создателей латиноамериканского «магического реализма» Алеко Карпентьер в повести «Концерт барокко» предложит похожую метафору: барочный концерт как идеал и модель человеческого единения, создающего новую гармонию через сотворчество и синтез культурных традиций различных народов.

Позволю себе добавить: процесс смешения рас и этносов в Бразилии продолжается и по сей день. Недаром страну называют одной из самых генетически разнообразных: на уже

сложившееся португальско-афро-индейское основание слой за слоем ложатся волны японской и итальянской (самые многочисленные «исходы» из Японии и Италии были именно в Бразилию), арабской и еврейской, а в последнее время китайской и корейской иммиграции. Имена, языки, акценты и кухни переплетаются, и из этого переплетения вырастает новая общность, представители которой называют себя бразильцами. Примечательно и другое: предметом гордости здесь становится не «чистота происхождения», а именно сплав – привычка жить вместе, признавать разные корни и превращать их в ресурс для будущего. В этом, пожалуй, и заключается самая убедительная версия «страны будущего». Эта страна, как казалось Цвейгу, может быть идеальной моделью сосуществования различных рас и свободного смешения потомков португальских, африканских, немецких, итальянских, сирийских и японских иммигрантов, поскольку «превращение в бразильца – это не просто адаптация к климату, природе, духовным и пространственным условиям страны, а прежде всего трансфузия крови. Большая часть населения Бразилии – за исключением позднейших переселенцев – представляет собой продукт смешения, существующий во всех мыслимых и немыслимых разновидностях». И конечно же, Цвейг не забывает упомянуть, какую большую роль в историческом развитии Бразилии сыграли евреи, как некрещенные, так и те, кто, спасаясь от инквизиции, был вынужден принять крещение. Именно они стали родоначальниками самых старинных семейств северо-восточных бразильских штатов Баия и Пернамбуку и первыми организаторами местной торговли.

Другая особенность Бразилии, которая вызывает понятное восхищение Цвейга (как, впрочем, и наше тоже), – это отсутствие войн (единственный международный конфликт, когда Парагвай напал на Бразилию, закончился в 1870 году). Цвейг, убежденный и радикальный пацифист, счастлив, что нашел в Бразилии страну, глубоко приверженную делу мира. Ему представляется особенно ценным, что «это страна, которая ненавидит войну и, более того, почти ее не знает. Уже более столетия, за исключением конфликта с Парагваем, спровоцированного без повода и причины рехнувшимся диктатором, Бразилия преодолевает все разногласия с соседями путем мирных договоренностей и обращения в международные суды». Самодостаточность и совпадение языковой и территориальной границ сводят на нет соблазн экспансии: нечего захватывать, нечего делить, поэтому внешняя политика лишена имперских замашек. В этом спокойствии заключена своя этика: стремление к согласию и солидарности как настрой по умолчанию, даже в непредсказуемые времена. Есть и историческая удача, о которой Цвейг говорит почти с улыбкой: беды метрополии не раз оборачивались удачей для колонии. Пока Португалия переживала собственные кризисы, Бразилия сумела получить независимость без затяжной войны – в отличие от Северной Америки и многих соседей по континенту, заплативших за самостоятельность кровью.

Неизменная бразильская сердечность поражает Цвейга (и она действительно существует и изумляет иностранцев, когда они ступают на бразильскую землю и слышат, как на паспортном контроле к ним обращаются «дорогой» или «дорогая»). Цвейг признается, что, «приехав в Бразилию, не устаешь поражаться и восхищаться, как добродушно, без тени фанатизма, сосуществуют на этом огромном пространстве люди. Нет-нет да вздохнешь с облегчением, что из удушающей атмосферы расовой и классовой ненависти посчастливилось сбежать в этот край, где царит спокойствие и человечность».

В природной доброжелательности и сердечности бразильцев писатель видит одну из структурирующих особенностей национального характера (о чем пишут и с чем соглашаются многие бразильские антропологи). Цвейг повторяет старую формулу первопоселенцев – «*é a mais gentil gente*», «люди они самые добрые», – будто пытаясь в эпоху Холокоста заставить себя и нас поверить в то, что изначально по своей природе человек добр и вовсе не кровожадное чудовище, которое изобретает новые и новые способы уничтожения себе подобных. Но вместе с тем характерная для всего повествования увлеченность, а точнее влюбленность Цвейга в Бразилию, иногда толкает его к явной идеализации. Например, вопреки здравому смыслу,

он уверяет, что бразильцы совершают преступления лишь в минуту помрачения, не ведая, что творят, а заключенных во время посещения тюрьмы Сан-Паулу видит «тихими людьми со спокойным, мягким взглядом». Или, скажем, он описывает нищенские районы, в которых помои выливают куда придется, и умиляется тому, что, по его мнению, «негры в фавелах ощущают себя в тысячи раз счастливее нашего пролетариата, живущего на съемных квартирах».

Говоря о разных областях и штатах Бразилии, от севера до юга, Цвейг поражается огромными масштабами этой страны, которая по размеру равна всему Старому Свету и в которой столько неиспользуемой, необитаемой, неосвоенной земли. Однако писатель уверен, что пространство – это не только материальная субстанция, но и сила, энергия, которые много определяют в характере народа. Очень интересны его рассуждения о том, что пространство «расширяет поле зрения, обогащает душу, дает человеку, который в нем живет и им окружен, смелость и уверенность двигаться вперед; там, где есть пространство, – есть не только время, но и будущее. И все, кто живет в этой стране, ощущают парение будущего над собой – мощное и окрыляющее». Читая размышления Цвейга о необъятных пространствах Бразилии, трудно удержаться от напрашивающихся параллелей с рассуждениями Николая Бердяева о «географии русской души» – метафоре, которой русский философ объясняет «соответствие между необъятностью, безгранностью, бесконечностью русской земли и русской души, между географией физической и географией душевной. В душе русского народа есть такая же необъятность, безгранность, устремленность в бесконечность, как и в русской равнине»⁶. Безусловно, огромное пространство – это не только географический, но и внутренний, духовный факт формирования национальной идентичности, который, по убеждению Цвейга, как раз и открывает будущему Бразилии возможности, представляя собой «огромный резерв не только для самой страны, но и для всего человечества».

Конечно, во взгляде Цвейга на Бразилию было много и полемических моментов, вызвавших жесткую критику самих бразильцев. Биограф Цвейга Алберту Динес с горечью отмечает, что книга была очень негативно воспринята рецензентами внутри страны, которые посчитали, что, восхваляя Бразилию, писатель одновременно восхваляет и бразильскую диктаторскую власть и вообще что он якобы написал эту «пропагандистскую брошюру», чтобы гарантировать себе и своей жене вид на жительство. Цвейга также обвиняли в том, что он представил совершенно европоцентрическую версию истории Бразилии и, абсолютно проигнорировав культуру коренных и африканских народов, отвел европейцам роль истинных цивилизаторов. Шквал критики обрушился на голову писателя и за то, что он представил (действительно, абсолютно политически некорректно) коренное индейское население как «голых каннибалов», которых «очеловечили» иезуитские миссионеры, избавив их от язычества и приведя к крещению. О чудовищных гаффах Цвейга написаны статьи и защищены диссертации, но это не отменяет того, что его книга читается, переиздается и ей посвящаются круглые столы и научные конференции. Алберту Динес в предисловии к переизданию в 2006 году писал: «Это самый известный из всех текстов, когда-либо написанных о Бразилии. С 1500 по 1941 год и даже сейчас, 65 лет спустя, ни одно произведение не переводилось, не переиздавалось и не цитировалось так часто, как эта ода Стефана Цвейга стране, которая приютила его во время Второй мировой войны. И где он покончил с собой вместе с женой Лоттой восемь месяцев спустя. Ни одно название не было столь же прославленным, как это: „Бразилия. Страна будущего“. Оно стало именем нарицательным, заголовком, ярлыком и предсказанием. Страна-обещание, страна-сказка, нация завтрашнего дня – это выражение можно понимать во всех смыслах»⁷.

На борту лайнера «Уругвай» Цвейг со своей второй женой Шарлоттой (все ее звали Лоттой) Альтман прибыли в Рио-де-Жанейро в третий и последний раз 27 августа 1941 года. Писа-

⁶ Бердяев Н. Русская идея. СПб.: Азбука-классика, 2008. С. 30.

⁷ Мой перевод – Е. В.

теля встретили достаточно прохладно, причем по нескольким причинам: сыграли роль и разгромная критика книги «Бразилия. Страна будущего», и тот факт, что правительство Варгаса всё больше и больше симпатизировало Гитлеру и Муссолини. Абрам Коган помог Цвейгу снять небольшой домик в горах недалеко от Рио, в Петрополисе, который с 1843 года вплоть до крушения монархии в 1889-м был летней резиденцией последнего бразильского императора Педру II. Дворец в Петрополисе создавался в середине XIX века преимущественно европейскими мастерами и инженерами, поэтому неудивительно, что архитектура этой летней резиденции бразильского монарха во многом напоминает венский дворец Шёнбрунн (ведь в жилах Педру II текла и кровь Габсбургов). Новое пристанище Цвейга будет часто напоминать ему родную Австрию не только горным пейзажем. Так, 17 сентября 1941 года писатель сообщал первой жене Фридерике: «Сегодня мы переехали, и мы счастливы. Это крошечный домик, но с просторной крытой террасой и прекрасным видом, сейчас, зимой, здесь немного прохладно, а место такое же чудесно пустынное, как Ишль в октябре и ноябре. Наконец-то у нас есть место, где можно отдохнуть несколько месяцев, а чемоданы будут убраны так, что их долго не будет видно»⁸.

Однако в небольшом съемном домике в Петрополисе Цвейги прожили крайне мало: с сентября 1941 года до конца карнавала 1942 года. Вернувшись домой после карнавала в Рио, Цвейг покончил с собой, приняв смертельную дозу снотворного, и тут же за ним последовала жена. Двойное самоубийство супругов 23 февраля 1942 года потрясло Бразилию, имя Стефана Цвейга вернулось на первые страницы газет того времени, которые писали о нем как о трагическом персонаже, жертве эпохи и поколения, лишенного надежды. А в день самоубийства тираж книги «Бразилия. Страна будущего» достиг ста тысяч экземпляров.

Последние дни жизни Цвейга были посвящены упорядочиванию документов, рукописей и написанию прощальных писем. За несколько часов до самоубийства Цвейг пишет письмо своей первой жене Фридерике:

Дорогая Фридерика! Когда ты получишь это письмо, мне уже будет лучше. Ты видела меня в Оссининге и знаешь, что после периода спокойствия моя депрессия стала более острой. Я так страдал, что не мог больше сосредоточиться. И потом, эта уверенность, что война продлится годы, прежде чем мы сможем вернуться к себе домой, эта уверенность действовала на меня совершенно удручающе...

У тебя есть дети и, следовательно, долг перед ними. У тебя широкие интересы и еще много сил. Я уверен, что ты увидишь лучшие времена и что ты поймешь, почему я, с моей ипохондрией, не мог дольше ждать, и одобришь меня.

Горячие приветы твоим детям, и не жалею меня... Стефан.

Шлю тебе самые добрые пожелания. Будь мужественной. Ты знаешь, что я спокоен и счастлив»⁹.

А 23 февраля 1942 года рядом с телом было найдено еще одно предсмертное письмо Цвейга:

Прежде чем я по доброй воле и в ясном сознании попрощаюсь с жизнью, от меня требуется исполнить последнее обязательство: искренне поблагодарить Бразилию, чудесную страну, которая гостеприимно дала приют мне и моему труду. С каждым днем я любил эту страну всё больше, и нигде еще я бы не захотел отстраивать свою жизнь заново – после того, как мир моего собственного языка для меня разрушился, а моя духовная родина, Европа, сама себя уничтожила.

⁸ Мой перевод – Е. В.

⁹ Перевод Григория Аросева.

Но я, дожив до шестидесяти лет, нуждался бы в особых силах, чтобы еще раз всё начать с нуля. А они у меня после долгих лет безродных скитаний иссякли. Поэтому, мне кажется, лучше своевременно и с прямой спиной завершить жизнь, в которой интеллектуальная работа всегда была чистой радостью, а личная свобода – величайшим благом на Земле.

Шлю вам привет, мои друзья! Пусть вам еще доведется увидеть рассвет после длинной ночи! А я, слишком нетерпеливый, ухожу перед ним.

Стефан Цвейг, Петрополис, 22 февраля 1942г.¹⁰

Алберту Динес рассказывает, что Жетулиу Варгас не поддержал просьбу раввинов о захоронении тел супругов на еврейском кладбище в Рио-де-Жанейро, несмотря на то что Лотта и Стефан были евреями. Он распорядился организовать прощальную церемонию и захоронение на католическом кладбище в Петрополисе. Прощание с четой Цвейг объединило множество почитателей таланта писателя и представителей разных конфессий: сначала состоялось выступление с речью от имени Академии литературы Петрополиса; потом раввин прочитал отрывок из «Иеремии» – драматической хроники самого Цвейга; кантор Флейшман спел на иврите традиционные псалмы, а затем произнес погребальную молитву Кадиш. На похоронах присутствовало около пяти тысяч человек. Супругов похоронили в Петрополисе, рядом с императорским склепом Педру II и его семьи. Судьба словно замкнула круг: Цвейг, рожденный в империи Габсбургов, завершил путь в земле далекой Бразилии, упокоившись вблизи усыпальницы бразильского императора, в жилах которого текла кровь Габсбургов.

*Елена Васина,
профессор Университета Сан-Паулу*

¹⁰ Перевод Григория Аросева.

Введение

Un pays nouveau, un port magnifique, l'éloignement de la mesquine Europe, un nouvel horizon politique, une terre d'avenir et un passé presque inconnu qui invite l'homme d'étude à des recherches, une nature splendide et le contact avec des idées exotiques nouvelles¹¹.

Австрийский дипломат граф Прокеш-Остен в 1868 году в письме к Гобино, когда тот находился в раздумьях, принять ли дипломатический пост в Бразилии

В былые времена писатели обычно предпосылали книге небольшое предисловие, в котором честно объясняли, из каких побуждений, на каких основаниях и с какой целью написали свое сочинение. Это был весьма полезный обычай. Подобная откровенность и прямое обращение к читателю позволяли с самого начала создать атмосферу доверия между пишущим и теми, для кого он пишет. Вот и я хочу откровенно рассказать, что подвигло меня взяться за тему, которая на первый взгляд весьма далека от моего обычного круга интересов.

Когда в 1936 году я собирался на конгресс ПЕН-клуба, проходивший в Аргентине, в Буэнос-Айресе, мне предложили заодно посетить и Бразилию. Ничего особенного от этой поездки я не ждал. На Бразилию я смотрел с высокомерием, свойственным среднестатистическому европейцу или североамериканцу, и сейчас попытаюсь воссоздать свое тогдашнее представление об этой стране: одна из южноамериканских республик, малоотличимых друг от друга, с жарким, нездоровым климатом, нестабильным политическим ландшафтом и скверной экономикой, слабо управляемая и лишь в прибрежных городах отчасти цивилизованная, но при этом с красивой природой и массой нераскрытых возможностей, – словом, для отчаянных эмигрантов и переселенцев сгодится, но вряд ли вдохновит и потрясет. Я решил посвятить ей десять дней – мне казалось, что этого более чем достаточно, если ты не ученый-географ, не коллекционер бабочек, не охотник, не спортсмен и не предприниматель. Восемь, десять дней – и скорее обратно, думал я. Мне не стыдно признаваться в тех глупых предубеждениях. По-моему, это как раз важно, поскольку в наших европейских и североамериканских кругах подобное представление о Бразилии весьма распространено и по сей день. С культурной точки зрения Бразилия сейчас такая же terra incognita, какой была для мореплавателей-первооткрывателей с точки зрения географической. Не устаю поражаться, как хаотичны и скудны знания даже образованных и политически просвещенных людей о стране, которой, несомненно, суждено стать одним из ключевых игроков в развитии нашего мира. Например, на корабле некий бостонский предприниматель довольно пренебрежительно отзывался о маленьких южноамериканских государствах, а когда я попытался ему напомнить, что уже одна только Бразилия по территории превосходит Соединенные Штаты, он решил, что я шучу, и поверил мне только после того, как посмотрел на карту. Однажды в романе одного очень известного английского писателя я наткнулся на забавную деталь: он отправил своего героя в Рио-де-Жанейро учить испанский. И ведь он лишь один из бесчисленного множества людей, которые знать не знают, что в Бразилии говорят по-португальски. Впрочем, как я уже сказал, не мне задирать нос и презирать других за их слабые познания: сам я, когда впервые выехал из Европы, не знал о Бразилии ничего – или, по крайней мере, ничего достоверного.

И вот мы прибыли в Рио – одно из самых мощных впечатлений, выпавших на мою долю. Я был очарован и вместе с тем потрясен. Моему взору представился не только один из самых

¹¹ «Новая страна, великолепный порт, удаленность от мещанской Европы, новые политические горизонты, земля с большим будущим и неизученным прошлым, что человека мысли побуждает к поиску, прекрасная природа и знакомство с новыми экзотическими веяниями» (франц.). – Здесь и далее примеч. пер.

великолепных видов на Земле – это уникальное сочетание моря и гор, городского ландшафта и тропической природы, – но и совершенно новый тип цивилизации. Вопреки ожиданиям, в архитектуре и градостроительстве здесь царили порядок и опрятность, которые тем не менее не лишали облик города самобытности; здесь чувствовались смелость и размах новых начинаний и одновременно – древняя духовная культура, сохранению которой способствовала удаленность. Возбужденный взор не уставал любоваться пестротой и живостью, и, куда бы я ни смотрел, всюду ждало наслаждение. Вся эта красота и радость опьянили меня; они будоражили чувства, щекотали нервы, наполняли сердце, увлекали разум. Я смотрел и не мог насмотреться. В последние дни я отправился вглубь страны – или, вернее, думал, что отправляюсь вглубь. Я ехал двенадцать или четырнадцать часов – до Сан-Паулу, до Кампинаса, полагая, что таким образом приближаюсь к сердцу Бразилии. Но по возвращении, взглянув на карту, обнаружил, что, проведя в поезде эти двенадцать или четырнадцать часов, хорошо если заглянул под ее кожу; впервые я начал постигать невообразимую величину этой страны, которую даже страной назвать язык не поворачивается – это целый континент, огромный мир, где хватит места тремстам, четырестам, пятистам миллионам человек и где цветущая, нетронутая земля таит богатства, которые не использованы еще и на тысячную долю. Это страна, переживающая стремительное развитие и, несмотря на всю нынешнюю трудовую, строительную, творческую и организационную деятельность, стоящая только в начале пути. Страна, значение которой для будущих поколений невозможно вообразить даже в самых смелых мечтах. И тут мое европейское высокомерие, которое я совершенно напрасно прихватил в ту поездку с собой, с удивительной быстротой улетучилось. Я понял, что заглянул в будущее нашего мира.

Когда корабль отплывал – ночь была звездная, и всё же город, унизанный гирляндами электрических фонарей, сиял наряднее и загадочнее, чем крапинки на небосводе, – я был уверен, что вижу этот город, эту страну не в последний раз, и полностью отдавал себе отчет в том, что на самом деле не видел ничего, ну или видел крайне мало. Я намеревался вернуться в следующем году: лучше подготовиться и пожить в Бразилии подольше, чтобы вновь и сильнее испытать это чувство – что живу в становящемся, в завтрашнем, в грядущем – и еще более осознанно насладиться покоем этого мирного края и его добродушной, гостеприимной атмосферой. Но выполнить данное себе обещание я не смог. В следующем году в Испании бушевала война и все говорили: надо подождать, пока всё уляжется. В 1938-м пала Австрия и все снова медлили, дожидаясь более спокойных времен. Потом, в 1939-м, пришла очередь Чехословакии, затем разразилась война в Польше, а дальше – общеевропейская самоубийственная война всех против всех. Мое желание хоть ненадолго вырваться из рушащейся действительности в ту, где жизнь течет мирно и созидательно, становилось всё сильнее; и вот наконец я снова приехал в эту страну, подготовившись лучше и тщательнее, – в надежде, что теперь смогу набросать какой-никакой ее портрет.

Я знаю, что этому портрету не хватает цельности и цельность тут вообще недостижима. Невозможно познать Бразилию до конца, ведь это огромный мир. Я провел в стране около полугода и только сейчас начинаю понимать, сколь многого – несмотря на все разъезды и изыскания – мне не хватает, чтобы создать полнокровный образ этого могучего государства. Целой жизни едва ли хватит, чтобы сказать: я знаю Бразилию. Начать хотя бы с того, что мне до сих пор не удалось увидеть ряд провинций, каждая из которых по величине сопоставима с Францией и Германией, а то и превосходит их. Я не побывал в дебрях Мату-Гросу, Гояса, Амазонки – да что там, их и научные экспедиции изучили не в полной мере. Так что ничего не могу сказать о примитивной жизни, протекающей в рассеянных по этим обширным пространствам селениях, и я не в силах правдоподобно изобразить быт всех этих едва затронутых культурой рабочих слоев: ни *barqueiros*, сплавляющихся по рекам, ни *saboclos*, что живут по берегам Амазонки, ни искателей алмазов – *garimpeiros*, ни скотоводов – *vaqueiros* и *gaúchos*, ни рабочих, трудящихся на каучуковых плантациях в джунглях – *seringueiros*, или *sertanejos* из Минас-

Жерайса. Я не бывал в немецких колониях в Санта-Катарине, где в старых домах, говорят, висят портреты кайзера Вильгельма, а в новых – Адольфа Гитлера; не добирался до японских колоний в глубине Сан-Паулу и не могу сказать с уверенностью, правда ли, что некоторые живущие в непроходимых лесах индейские племена до сих пор промышляют людоедством.

Так же дело обстоит и с природными достопримечательностями: некоторые из них, весьма известные, я знаю лишь по фотографиям и книгам. Я не совершал двадцатидневного путешествия по величественным в своем однообразии зеленым дебрям Амазонки, не доходил до границ Перу и Боливии; из-за трудностей навигации в неурочный сезон мне пришлось отказаться от двенадцатидневного плавания по Сан-Франсиску – одной из самых крупных и исторически значимых рек Бразилии. Я не поднимался на Итатию – гору высотой три тысячи метров, с которой открывается вид на вершины бразильского плоскогорья аж до Минас-Жерайса и Рио-де-Жанейро. Не любовался чудом света – водопадами Игуасу, где гигантские потоки воды низвергаются пенным каскадом; по грандиозности эти водопады, как уверяют бывалые путешественники, значительно превосходят Ниагару. Не продирался с ножом и мотыгой по сырой сверкающей тропической чаще. Сколько бы ни ездил, ни смотрел, ни познавал, ни читал и ни искал, я так особо и не продвинулся за пределы цивилизации и утешаюсь лишь мыслью, что встречал, может быть, двух, от силы трех бразильцев, которые с полным правом могли утверждать, что были в глубоких, почти непроходимых недрах своей страны. Даже железная дорога, пароходы и автомобили тут мне не помощники, так как и они бессильны перед неимоверными масштабами этого государства. Совесть не позволяет мне делать решительные выводы, прогнозы и пророчества насчет экономического, финансового и политического будущего Бразилии. В экономическом, общественном и культурном плане проблемы Бразилии так новы и своеобразны, а главное, настолько сложно наслаиваются друг на друга из-за огромных размеров страны, что для основательного решения каждой из них понадобился бы целый штаб специалистов. Невозможно в полной мере познать страну, которая сама себя толком еще не познала, да и к тому же переживает такой бурный рост, что любой отчет и любая статистика устареют задолго до того, как информация будет записана, а запись – опубликована. Из всего разнообразия проблем я хотел бы выделить одну, которая представляется мне наиболее актуальной и в духовно-нравственном плане ставит Бразилию на особое место среди всех государств Земли.

Эта центральная проблема, неизбежно возникающая перед каждым поколением, в том числе перед нашим, заключается в ответе на самый простой и вместе с тем самый насущный вопрос: как добиться того, чтобы все люди на Земле – вне зависимости от расы, класса, цвета кожи, религии и убеждений – существовали в мире и согласии? Это проблема, с которой вновь и вновь сталкивается каждое общество, каждое государство. Ни перед какой страной она не вставала так грозно и требовательно, как перед Бразилией, и – именно поэтому я пишу эту книгу – никакая страна не решила ее так же успешно и безупречно. Способом, который, по моему личному мнению, заслуживает не только внимания, но и восхищения всего мира.

Надо сказать, что, если бы Бразилия переняла европейские националистские и расистские предрассудки, по этнической структуре она стала бы самой расколотой, самой беспокойной и самой мятежной страной мира. До сих пор на улицах и рынках легко различить расы, сформировавшие местное население. Это и потомки португальцев, которые завоевали и колонизировали страну, и коренное индейское население, обитавшее на здешних территориях с незапамятных времен, и миллионы негров, привезенных из Африки в эпоху рабства, – а еще миллионы итальянцев, немцев и даже японцев, приехавших сюда как колонисты. По нашим европейским меркам следовало бы ожидать вражды каждой из этих групп с остальными (первых переселенцев – с переселенцами более поздними, белых – с черными, американцев – с европейцами, «коричневых» – с «желтыми») и постоянной борьбы «большинства» и меньшинств за права и привилегии. Однако самое удивительное заключается в том, что представители всех этих рас, отличающиеся даже цветом кожи, живут в полном согласии и, несмотря на

различное происхождение, состязаются лишь в стремлении все различия преодолеть, чтобы как можно скорее и бесповоротнее стать бразильцами – новой, единой нацией. Бразилия – и, по моему твердому убеждению, всем нам надо взять этот замечательный эксперимент за образец – самым незамысловатым образом довела проблему расовых противоречий, которая раздирает на части наш европейский мир, до абсурда: отказалась признавать ее мнимую значимость. В то время как в нашем Старом Свете все походили с ума, пытаясь вывести «расово чистых» людей, словно это не люди, а скаковые лошади или собаки, бразильцы вот уже не одно столетие культивируют принцип свободного и неограниченного смешения, полного равенства черных, белых, коричневых и желтых. То, что в других странах существует лишь в теории, на бумаге и пергаменте, – абсолютное равноправие граждан как в общественной, так и в частной жизни – здесь зримо присутствует в реальности: в школах, государственных учреждениях, церкви, на работе и военной службе, в университетах и на кафедрах. Это очень трогательное зрелище: как дети всех возможных оттенков, какие только способна иметь человеческая кожа, – шоколада, молока, кофе – идут из школы, взявшись за руки; и это физическое и духовное единение прослеживается даже на самом высоком уровне, в академическом мире и на государственной службе. Никаких разграничений по цвету кожи, никакого разделения, никаких чопорных сословных отличий в Бразилии нет, и нагляднее всего естественность этого сосуществования выражается в том, что в самом языке отсутствуют уничижительные слова для инородцев. Тогда как у нас представители одной национальности выдумывают для другой всяческие обзывательства и насмешки, такие как «катцельмахер»¹² или «бош»¹³, в бразильском словаре просто-напросто нет подобных уничижительных прозвищ для «черномазых» или креолов. У кого здесь есть право – да и желание – кичиться своей расовой чистотой? Может, раздраженная реплика Гобино (мол, во всей Бразилии он нашел лишь одного человека без примесей – императора Педру II) и преувеличение, но, если не брать в расчет тех, кто приехал сюда совсем недавно, в любом настоящем, подлинном бразильце непременно найдется хоть пара капель местной крови. Самое же примечательное и удивительное заключается в том, что никто этого не стыдится. Якобы пагубный принцип смешения, этот кошмар, «прегрешение против крови», которым одержимы наши расовые теоретики, здесь вполне осознанно положен в основу национальной культуры. На этом фундаменте за четыреста лет развилась стабильная и уверенная в себе нация, и – о чудо! – постоянная перетасовка и взаимное приспособление в одинаковом климате и одинаковых условиях жизни сформировали вполне определенный тип, лишенный тех «разлагающих» свойств, о которых вопят на каждом углу поборники расовой чистоты. Только среди полукровок можно встретить столько женщин и детей редкостной красоты, обладающих и изяществом сложения, и деликатностью обхождения; одно удовольствие смотреть на смуглое лицо студента, сочетающего ум с тихой скромностью и деликатностью. Некоторая мягкость, томная меланхоличность, присущие этому типу, составляют разительный контраст с более активным и взрывным типом североамериканцев. Если что-то в этой смеси и «разлагается», то только лишь оголтелые и оттого опасные разногласия. Это систематическое размывание замкнутых (и зачастую воинственно замкнутых) национальных и расовых групп значительно облегчает формирование единого национального сознания, и поразительно, что уже второе поколение в полной мере ощущает себя бразильцами. Факты со всей очевидностью и бесспорностью опровергают бумажные теории догматиков. Бразильский эксперимент полного и последовательного отрицания всех цветовых и расовых различий, в силу несомненной успешности, может стать весомейшим вкладом в победу над предрассудком, который принес миру больше войн и бед, чем какой бы то ни было другой.

¹² Уничижительное прозвище для мигрантов из южных стран, распространившееся в Германии в эпоху национал-социализма.

¹³ Уничижительное прозвище немцев во Франции.

Теперь понятно, почему на душе, как только попадаешь в этот край, становится так легко и привольно. Сначала кажется, что это ощущение избавления и умиротворения – следствие того, что всё здесь радует глаз и ты с наслаждением впитываешь самобытную красоту, которая с готовностью распахивает тебе объятия. Но вскоре понимаешь, что гармония природы находит продолжение в самой жизни. Человеку, только что сбежавшему от злобного европейского умоисступления, полное отсутствие какой бы то ни было ненависти как в общественной, так и в личной жизни сначала кажется диковиной, а потом – бесконечной благодатью. Этот изнурительный накал страстей, который вот уже целое десятилетие истощает наши нервы, здесь попросту невозможен; все противоречия, даже в социальной сфере, лишены той остроты и уж тем более – отравляющей едкости. Здесь политика со всеми ее подлостями еще не стала центром частной жизни, главным предметом всех помыслов и чувств. Приехав в Бразилию, не устаешь поражаться и восхищаться, как добродушно, без тени фанатизма, сосуществуют на этом огромном пространстве люди. Нет-нет да вздохнешь с облегчением, что из удушающей атмосферы расовой и классовой ненависти посчастливилось сбежать в этот край, где царит спокойствие и человечность. Без сомнения, разгильдяйства здесь больше. Расслабляющий климат мало-помалу делает людей менее напористыми, менее пылкими, менее деятельными – а ведь именно такие качества нам расхваливают как нравственные достоинства народа (это, конечно, трагическое преувеличение). Мы же, испытавшие на себе ужасные последствия психического перенапряжения, алчности и властолюбия, наслаждаемся здешней мягкой и безмятежной жизнью как великим благом и счастьем. Я вовсе не намерен делать вид, будто всё в сегодняшней Бразилии устроено идеально. Многие еще в зачатке, в становлении. Большая часть населения пока живет гораздо беднее, чем у нас. Технические и промышленные достижения этого пятидесятимиллионного народа пока лишь приближаются к достижениям маленького европейского государства. Административная машина еще не до конца отлажена, нередко возникают досадные сбои. Проехав пару сотен миль вглубь страны, еще можно очутиться в прошлом веке. Когда перебираешься в Бразилию, поначалу приходится привыкать к мелким недоделкам и неустройствам, к некоторой расхлябанности, и те путешественники, которые видят мир только из отеля или автомобиля, еще могут позволить себе роскошь уехать домой с высокомерным чувством цивилизационного превосходства, найдя многое в Бразилии отсталым и неудовлетворительным. Но события последних лет коренным образом изменили наше представление о том, что вообще означают слова «цивилизация» и «культура». Мы уже не готовы считать их синонимами «организованности» и «комфорта». Ничто так сильно не способствовало этому роковому заблуждению, как статистика, которая с научной механистичностью показывает, сколь велико достояние той или иной страны в целом и какая доля этого достояния принадлежит каждому гражданину в частности: сколько машин, ванных комнат, радиоприемников и страховок приходится на душу населения. Согласно этим таблицам, самые высококультурные и цивилизованные страны – те, где сильное производство, интенсивное потребление и круглые суммы на личных счетах граждан. Однако этим таблицам недостает одного важного элемента: они совершенно не берут в расчет человеческую душу, которая, по нашему мнению, как раз и представляет собой главный критерий культуры и цивилизации. Мы видели, как высокоорганизованное общество организуется лишь для того, чтобы творить зверства, а вовсе не сеять добро; видели, как европейская цивилизация за четверть века дважды предала саму себя. Поэтому ранжирование государств по промышленной, финансовой или военной мощи больше не имеет смысла – мерилom достоинства страны следует считать ее миролюбие и гуманизм.

В этом – на мой взгляд, наиважнейшем – смысле Бразилия представляется мне одной из самых продвинутых и, следовательно, наиболее достойных уважения стран мира. Это страна, которая ненавидит войну и, более того, почти ее не знает. Уже более столетия, за исключением конфликта с Парагваем, спровоцированного без повода и причины рехнувшимся диктатором, Бразилия преодолевает все разногласия с соседями путем мирных договоренностей и обра-

щения в международные суды. Ее гордость и герои – не генералы, а государственные мужи, такие как Риу-Бранку, которые предотвращали войны, опираясь на здравый смысл и дипломатию. Как самодостаточное государство, территориальная граница которого совпадает с языковой, Бразилия не стремится захватывать чужие земли и лишена империалистических замашек. Соседям нечего от нее требовать, и сама она ничего не требует от них. Никогда бразильские политики не ставили под угрозу мир на земле, и даже в такую непредсказуемую эпоху, как наша, невозможно представить, чтобы был нарушен фундаментальный принцип национального менталитета – стремление к согласию и солидарности. Дело в том, что желание решать все проблемы дипломатическим путем, общегуманистический настрой – не случайная прихоть тех или иных правителей и вождей; это естественным образом проистекает из характера самого народа, из общей толерантности, которая присуща от рождения каждому бразильцу и неоднократно давала о себе знать на протяжении истории. Бразилия – единственная ибероязычная страна, которая не знала кровавых распрей на религиозной почве; здесь никогда не пылали костры инквизиции, да и с рабами обходились относительно гуманно. Даже государственные перевороты и смены общественного строя совершались почти без кровопролития. Король и два императора, которых вытеснило из страны ее стремление к самостоятельности, покинули Бразилию безо всяких препон и потому без злобы. С тех пор как Бразилия обрела независимость, даже после подавления восстаний и путчей их предводители не платили за мятеж жизнью. Кто бы ни правил этим народом, волей-неволей вынужден был соблюдать это внутреннее равновесие; неудивительно, что, когда Бразилия (единственная из всех стран Латинской Америки) на протяжении нескольких десятков лет была монархией, ею правил самый демократичный и либеральный из всех коронованных властелинов, да и сегодня, хотя считается, что в стране установлена диктатура, граждане более свободны и удовлетворены жизнью, чем жители большинства европейских государств. Таким образом, само существование Бразилии – страны, вся воля которой направлена исключительно на мирное созидание, – дает надежду, что наш мир, опустошенный ненавистью и безумием, ждет более цивилизованное и мирное завтра. Где бы мы ни находили нравственную силу, наш долг – эту силу поддерживать. Где бы в наше тревожное время нам ни чудилось упование на новое будущее новых земель, наша обязанность – указать на эту страну и на даруемые ею возможности.

Именно поэтому я и написал эту книгу.

История

Многие тысячи лет бескрайняя бразильская земля с ее шумливыми темно-зелеными лесами, горами, реками и ритмичной музыкой прибоя оставалась неизученной и безымянной. Вечером 22 апреля 1500 года на горизонте засияли белые паруса; показались пышнотелые, тяжелые каравеллы с португальским красным крестом на полотнищах, и на следующий день первые шлюпки причалили к неизведанному берегу.

Это была португальская флотилия под командованием Педру Алвариша Кабрала, которая в марте 1500 года вышла из устья Тежу¹⁴, чтобы повторить незабвенное плавание Васко да Гамы – этот *feito nunca feito*¹⁵ вокруг мыса Доброй Надежды в Индию, воспетый Камозэнсом в «Лузиадах». Принято считать, что корабли, шедшие маршрутом Васко да Гамы, сбились с пути из-за неблагоприятных ветров, которые унесли их от африканского побережья к неизвестному острову – сперва новую землю нарекли *Ilha de Santa Cruz*¹⁶, не догадываясь о ее истинных размерах. Так честь открытия Бразилии – если не брать в расчет путешествия Альфонсо Пинсона¹⁷, который вплотную подошел к устью Амазонки, и сомнительных экспедиций Веспуччи – выпала на долю Португалии и Педру Алвариша Кабрала лишь благодаря удивительному промыслу волн и ветров. Однако историки давно уже не склонны в эту «случайность» верить, поскольку в экипаже Кабрала был лоцман Васко да Гамы, который точно знал кратчайший маршрут, а легенда о неблагоприятных ветрах опровергается ясным свидетельством находившегося на борту Перу Ваша де Каминья, согласно которому от Кабо-Верде они шли *sem haver tempo forte ou contrario*¹⁸. Вряд ли шторм мог отнести армаду так далеко на запад, что вместо мыса Доброй Надежды она оказалась аж в Бразилии, а значит, Кабрал взял курс на запад с определенным умыслом и – скорее всего – по тайному приказу короля; а тут уже недалеко до предположения, что португальская корона могла еще задолго до официального открытия Бразилии обладать секретными сведениями о существовании и географическом положении этих земель. Как дело обстояло на самом деле, до сих пор остается тайной, а поскольку все архивы были безвозвратно утрачены при Лиссабонском землетрясении, мир, вероятно, никогда не узнает имя истинного первооткрывателя. Не исключено, что сразу после открытия Америки Колумбом португальский корабль отправился исследовать новый континент и вернулся с новыми известиями; или же – и это предположение имеет под собой некоторые основания – португальская корона знала о землях на далеком западе еще до беседы с Колумбом. Но какими бы сведениями Португалия ни располагала, она тщательно скрывала их от завистливых соседей; в эпоху Великих географических открытий любая информация о морских экспедициях считалась военной или коммерческой государственной тайной, разглашение которой иностранным державам каралось смертной казнью. Карты, портуланы, маршруты кораблей и отчеты лоцманов хранились, наряду с золотом и драгоценностями, в лиссабонском казначействе – *Tesouraria*; а уж в этом конкретном случае преждевременное разглашение было тем более нежелательно, поскольку, согласно папской булле *Inter caetera*, все территории, расположенные далее ста миль к западу от Кабо-Верде, принадлежали испанцам. Заяви португальцы об открытии новых земель за пределами этой зоны, они лишь приумножили бы владения Испании, а не собственные. Таким образом, Португалии невыгодно было раньше времени сообщать о

¹⁴ Тежу – португальское название реки Тахо.

¹⁵ Небывалый подвиг (порт.).

¹⁶ Остров Санта-Круш (порт.).

¹⁷ Алонсо (Альфонсо) Пинсон (1441–1493) – испанский мореплаватель, участник первой экспедиции Христофора Колумба.

¹⁸ Без бурь и супротивных ветров (порт.).

таком открытии (если оно действительно произошло). Сначала нужно было подготовить юридическую почву, чтобы новая земля отошла не испанской, а португальской короне; эта цель была достигнута посредством Тордесильяского договора, который был заключен вскоре после открытия Америки, 7 июня 1494 года, и расширил португальскую зону с первоначальных ста лиг до трехсот семидесяти лиг к западу от Кабо-Верде – ровно настолько, чтобы португальцы могли заявить свои права на якобы еще не открытое побережье Бразилии. Если это совпадение, то в свете необъяснимого отклонения Педру Алвариша Кабрала от первоначального курса оно представляется крайне удивительным.

Выдвинутая некоторыми историками гипотеза, что Бразилия была к этому времени уже известна и что король дал Кабралу тайное распоряжение пойти на запад, чтобы «чудесным образом» – *milagrosamente*, как сказано в письме королю Испании, – открыть новую землю, представляется еще более убедительной, если обратить внимание на выражения, в которых хронист флота Перу Ваш де Каминья сообщает королю об обнаружении Бразилии. Он не проявляет ни малейшего удивления или восторга по поводу неожиданной находки, а лишь отчитывается о том, что как будто само собой разумеется; точно так же и второй, неизвестный хронист пишет только, что *che ebbe grandissimo piacere*¹⁹. Ни слова о торжестве, никаких свойственных Колумбу и его последователям предположений, что, возможно, достигнута Азия, – лишь холодное сообщение, которое скорее подтверждает уже известный факт, нежели объявляет о новом. Таким образом, слава Кабрала как первооткрывателя Бразилии, которая и так оспаривается из-за высадки Пинсона севернее устья Амазонки, возможно окончательно померкнет, когда будут обнаружены иные документальные свидетельства; но, пока подобных документов у нас нет, приходится считать 22 апреля 1500 года датой вступления нового народа в мировую историю.

Новый край сразу производит на высадившихся моряков превосходное впечатление: плодородные земли, мягкие ветра, свежая питьевая вода, изобилие фруктов и дружелюбное, незлобивое население. Все, кто высаживается в Бразилии в последующие годы, вторят восторженным словам Америго Веспуччи, который, прибыв туда через год после Кабрала, восклицает: «Если земной рай и существует, то он точно где-то здесь!» Местные жители, выходящие навстречу чужестранцам во всей невинности наготы и демонстрирующие непокрытые тела *com tanta innocencia como o rostro*²⁰, принимают чужестранцев доброжелательно. Мужчины толпятся вокруг с миролюбивым любопытством, а женщины прекрасным телосложением и быстротой и неразборчивостью в расточении ласк (о чем с благодарностью упоминают и все более поздние хронисты) заставляют моряков забыть лишения, пережитые за долгие недели плавания. До тщательного изучения и продвижения вглубь страны дело не доходит: выполнив тайный приказ, Кабрал торопится продолжить официальный маршрут в Индию. 2 мая, проведя в Бразилии всего десять дней, он отплывает обратно в Африку, отдав Гашпару де Лемушу приказ двигаться вдоль побережья к северу и затем отправляться в Лиссабон – с известием о найденной земле и кое-какими местными плодами, растениями и животными.

Сообщение, что флот Кабрала достиг новой земли – будь то во исполнение тайного приказа или действительно по случайности, – принято при королевском дворе благосклонно, но большого воодушевления не вызывает. Чтобы застолбить право собственности, об открытии официальным письмом извещают короля Испании, однако уточнение, что новая земля *sem ougo nem prata, nem nenhuma cousa de metal*²¹, умаляет значимость находки. За предшествующие несколько десятков лет маленькая Португалия открыла так много новых земель и подмяла под себя столь огромную часть мира, что, в сущности, исчерпала способность что-то еще вос-

¹⁹ Имел большое удовольствие (итал.).

²⁰ С такой же невинностью, как и лица (порт.).

²¹ Без золота, серебра и какого-либо иного металла (порт.).

приятно. Новый морской путь в Индию гарантирует ей монополию на пряности и уже одним этим сулит неизмеримые богатства; в Лиссабоне знают, что в Каликуте и Малакке дерзких завоевателей ждут сокровища, о которых веками слагали легенды: драгоценные камни, дорогие ткани, фарфор и специи. Нетерпеливое желание поскорее прибрать к рукам весь этот мир изысканной культуры и восточной роскоши пробуждает в португальцах такую смелость и героизм, которые почти не имеют себе равных в мировой истории. Даже «Лузиады», будучи героическим эпосом, едва ли передают всю грандиозность этой авантюры, сродни новому походу Александра Македонского, когда горстка людей на дюжине утлых суденышек решила покорить сразу три континента и неизведанный океан в придачу. Бедная маленькая Португалия, всего около двухсот лет тому назад освободившаяся от арабского владычества, не имеет наличных средств: каждый раз, снаряжая флотилию, король вынужден просить денег у торговцев и менять под залог будущей добычи. Не хватает и солдат, поскольку приходится воевать одновременно с арабами, индийцами, малайцами, африканцами, дикарями и в каждом уголке трех континентов строить колонии и крепости. И всё же каким-то чудесным образом Португалия изыскивает на всё это силы и средства. Рыцари, крестьяне и, как однажды с раздражением посетовал Колумб, даже «портняжки» бросают дома, жен, детей, ремесла и стекаются со всей страны к портам, и их совершенно не смущает, что, по знаменитому изречению Барруша, «океан – самое большое португальское кладбище». Слово «Индия» имеет магическую силу. Король знает: один корабль, вернувшийся из этой Голконды, с лихвой окупит десять потерянных, а человек, переживший бури, кораблекрушения, битвы и болезни, навек обеспечит себя и потомков. Дверь в сокровищницу тогдашнего мира взломана, и никому не охота сидеть в *requena casa*²² отечества; единый порыв, в котором сливаются португальцы, создает такой экстаз силы и мужества, что на целое столетие невозможное становится возможным, а невероятное – правдой.

В этой буре страстей открытие Бразилии, имеющее для мировой истории огромное значение, проходит почти незамеченным, и ничто не характеризует пренебрежительное отношение к этому факту красноречивее, чем то, что Камюэнс, создавая свой героический эпос, ни в одной из многих тысяч строк не упоминает ни ее обнаружение, ни существование. Экспедиция Васко да Гамы привозит дорогие ткани, украшения, драгоценные камни и специи, а главное – известие о том, что во дворцах заморинов и раджей лежит в тысячу раз больше подобной добычи. Как скудно по сравнению с этим подношение Гашпара де Лемуша – стайка разноцветных попугаев, образцы древесины, немного фруктов да удручающая весть, что с голого народа и взять-то нечего. Он не привозит ни пылинки золота, ни единого драгоценного камушка, ни специй – ничего из тех сокровищ, одна горсть которых стоит дороже целых лесов красной древесины, сокровищ, которые легко заполучить, несколько раз взмахнув мечом или выстрелив из пушки, тогда как деревья надо сначала срубить, распилить, погрузить на корабль и лишь потом продать. Если на этой *Iha* или *Terra de Santa Cruz* и есть какие-то богатства, их нужно добывать многолетним тяжким трудом. А король Португалии жаждет быстрых, осязаемых прибылей, чтобы погасить долги. Поэтому первым делом – Индия, Африка, Молуккские острова, Восток! Так Бразилия становится Корделией при своем короле Лире, самой пренебреженной из трех сестер: Азии, Африки и Америки, – но зато единственной, кто сохранит верность отцу в тяжкую годину.

Так что всё это вполне отвечает суровой логике жизненной необходимости: опьяненная фантастическими успехами, Португалия поначалу не уделяет Бразилии должного внимания; об этой земле не судачат в народе, она не будоражит воображение. Немецкие и итальянские географы на картах рисуют береговую линию наугад, подписывают как *Brassil*²³ или *Terra dos*

²² Маленький дом (порт.).

²³ Разновидность красного дерева.

Paragaio²⁴, однако до поры Terra de Santa Cruz – этот пустой зеленый край – ничем не может привлечь ни мореплавателей, ни авантюристов. Король Мануэл не имеет ни времени, ни желания толком заняться новой землей и ее защитой, но не готов ни пяди ее уступить: Бразилия прикрывает морской путь в Индию и, что важнее, одурманенная чередой триумфов и жадной завоеваний Португалия алчет держать в маленьком кулачке весь мир. За признание того, что эта территория по Тордесильясскому договору принадлежит португальцам, борьбу с испанцами они ведут упорно, настойчиво и искусно; дело едва не доходит до вооруженного конфликта – из-за земли, которая толком не нужна ни одной из противоборствующих сторон, так как обе охотятся лишь за драгоценными камнями и золотом. Но обе вовремя осознают всю бессмысленность этой затеи – выступить с оружием друг против друга в ситуации, когда каждый человек и каждая пуля необходимы, чтобы разорвать нежданно-негаданно упавшие им с неба новые территории. В 1506 году достигнуто соглашение, подтверждающее право Португалии на Бразилию, которой она доселе владела лишь платонически.

Теперь Испании, этого могущественного соседа, можно не опасаться. Но теперь на этот пока еще не заселенный и не упорядоченный кусок прекрасной, привольной земли всё чаще начинают обращать взор французы, которые при разделе мира между Испанией и Португалией оказались не у дел. Сюда прибывают корабли из Дьепа и Гавра, чтобы загрузить трюмы красным деревом, а у Португалии в гаванях пока нет ни судов, ни солдат, чтобы отражать нападения пиратов. Ее право на колонию лишь бумажное, и одним стремительным ударом, снарядив пятерку или даже тройку боевых кораблей, Франция, стоит ей только захотеть, может захватить всю эту землю. Побережье длинное, и единственный способ защитить его – это заселить. Если король хочет превратить Бразилию в португальскую территорию и сохранить ее для себя, нужно отправить туда португальцев. Эта земля, с ее необозримыми просторами и неограниченными возможностями, нуждается в руках и ждет эти руки, и каждый, кто сюда приезжает, машет оставшимся – зовет за собой. С самого начала, на протяжении всей истории Бразилии, повторяется один и тот же клич: людей, еще людей! Словно глас самой природы, которая хочет расти и развиваться, но, чтобы раскрыться в истинном предназначении, во всей грандиозности, ей нужен помощник – человек.

Как же найти колонистов в этой маленькой, уже наполовину истощенной стране? Когда началась эпоха завоеваний, в Португалии было всего около трехсот тысяч взрослых мужчин; из них примерно десятая часть – лучшие, самые сильные и смелые – шли во флот, и девять десятых этой десятины уже пали жертвами бурь, сражений и болезней. Деревни опустели, поля заброшены, и находить новых солдат и матросов становится всё труднее; даже искатели приключений в Бразилию не рвутся. Самые активные и отважные слои населения – фидальгу, дворяне и солдаты – ехать не хотят: они знают, что на Terra de Santa Cruz не сыскать ни золота, ни драгоценных камней, ни слоновой кости, ни даже славы. Ученые, интеллектуалы – что им там делать, в этом захолустье, где они будут отрезаны от всякой культуры? Торговцы, купцы – чем им торговать в стране голых каннибалов, что везти домой, преодолевая трудности и невзгоды, тогда как один только грузовой корабль с Молуккских островов тысячекратно окупает все риски? Даже самые бедные португальские крестьяне предпочитают возделывать свой участок земли, а не тащиться на неведомую чужбину к людоедам. Ни один человек, который может похвастаться высоким титулом и постом, богатством и образованностью, не выказывает ни малейшего желания сесть на корабль и отправиться к этим пустым берегам; поэтому в первые годы в Бразилии оседает лишь кучка моряков, авантюристов и дезертиров, которые застряли там по случайности или по лености и способствуют скорейшему заселению новых земель одним-единственным способом – плодят бесконечных полукровок, так называемых *matelucos* (одному из них приписывают аж трехсот потомков). Но всё равно – это лишь пара

²⁴ Земля попугаев (порт.).

сотен европейцев на страну, которая уже тогда имела площадь, сопоставимую с площадью всей Европы.

Таким образом, возникает острая необходимость организовать (не без применения силы) приток иммигрантов. Португалия пускает в ход уже испытанный Испанией метод депортации: всем алькальдам²⁵ страны теперь велено не предавать преступников суду, если те изъявляют готовность отправиться на новый континент. Зачем переполнять тюрьмы и годами содержать правонарушителей за казенный счет? Лучше навсегда отослать всех этих *degredado*²⁶ за море, в новую землю, чтобы они хоть где-то принесли пользу. Как всегда, более жесткое и не вполне чистое удобрение делает землю наиболее пригодной для будущего урожая.

Испании и Португалии, начальник крепости или тюрьмы.

Единственные колонисты, которые приезжают добровольно – без кандалов, клейма и судебного приговора, – это *cristãos novos*, новокрещенные евреи. Но даже они отправляются в Бразилию не совсем по собственному желанию, а скорее из предосторожности и страха. В Португалии они более или менее искренне принимают крещение, чтобы избежать костра, но в тени Торквемады не чувствуют себя в безопасности, поэтому, пока не поздно, предпочитают переехать за океан, где жестокая рука инквизиции их не достанет. Сплоченные диаспоры, включающие как крещеных, так и некрещеных евреев, оседают в прибрежных городках; первые настоящие гражданские переселенцы, *cristãos novos*, становятся родоначальниками самых старинных семейств Баии и Пернамбуку и организаторами местной торговли. Обладая прекрасным знанием мирового рынка, они начинают заниматься вырубкой и продажей *rau vermelho* – красного дерева: тогда это была единственная бразильская продукция, шедшая на экспорт, и концессию на торговлю древесиной на длительный срок получил от короля Фернанду ди Норонья²⁷, один из еврейских переселенцев. Теперь сюда регулярно наведываются не только португальские, но и иностранные корабли, чтобы закупиться экзотическим товаром, и постепенно от Пернамбуку до Сантуса вырастают небольшие портовые поселения – зачатки будущих городов. Тем временем морские экспедиции поменьше и покрупнее исследуют береговую линию до самой реки Ла-Плата. Но за узкой полоской, которая в тогдашнем мире считается Бразилией, по-прежнему лежит огромная страна – неведомая и нехоженная.

Первые три десятилетия колонизация продвигается медленно. Меж тем промедление опасно. Всё больше иностранных кораблей заходят – с точки зрения Португалии, незаконно – в новые порты за древесиной. В 1530 году король принимает решение наконец навести порядок и отправляет небольшую флотилию под командованием Мартина Афонсу де Соузы, которая тут же захватывает с поличным три французских судна и докладывает королю о том, о чем давно твердят все: Бразилию нужно заселять, иначе корона потеряет ее. Но, как обычно, в те героические времена, казна пуста; гарнизоны в Индии, крепости в Африке, поддержание военного престижа – португальский империализм существует на пределе сил и средств. Поэтому придется затевать новый эксперимент – *de povoar a terra*²⁸, – который, впрочем, уже опробован на Азорских островах и на Кабо-Верде: подпитывать колонизацию частной инициативой. Почти необитаемый край разделяется на двенадцать *saripatania*, каждая из которых жалует человека с правом передавать эту землю по наследству; новоявленный капитан обязуется – что совпадает с его интересами – осваивать надел, а вернее, целое царство. Каждая такая вотчина, по сути, и есть целое царство, по площади сопоставимое с Францией или Испанией. Дворянин, у которого в Португалии нет ни клочка земли, офицер, проявивший себя в боях в Индии и жаждающий вознаграждения, летописец вроде Жуана де Барруша, которому король многим обязан,

²⁵ Административная и военная должность в средневековой

²⁶ Ссылный (порт.).

²⁷ Также имя часто передают как Фернан де Лоронья.

²⁸ Заселение земли (порт.).

– каждый из них росчерком пера получает по одной двенадцатой части Бразилии. Эта неслыханная щедрость расточается в надежде, что теперь капитаны сами будут привлекать в Бразилию людей и вплотную займутся ее экономическим развитием, тем самым служа отечеству.

Первая попытка привнести в хаос и сумбур колонизации хоть какую-то систему сделана щедрой рукой. Преимущества для *donatario* неоценимы: кроме права чеканки монет, им предоставляются почти все права суверенных властителей при минимальных обязанностях; если бы им действительно удалось привлечь народ, их дети и внуки сравнялись бы с монархами Европы. Но одариваемые в большинстве своем люди пожилые. Они уже израсходовали почти всю жизненную энергию на королевской службе, пожалованную землю рассматривают как наследство для детей и внуков, но не прилагают усилий, чтобы деятельным трудом извлечь из нее выгоду лично для себя. В следующие десятилетия только два капитанства – Сан-Висенте и Пернамбуку (так называемая Нова-Лузитания) – достигают процветания благодаря эффективному выращиванию сахарного тростника. Остальные же – из-за безразличия владельцев, нехватки колонистов, враждебности коренного населения и различных бедствий на воде и на суше – погружаются в анархию. Побережье грозит вот-вот развалиться на части; раздробленные, лишенные единого управления, общих законов, вооруженных сил, укреплений и солдат, капитанства становятся легкой добычей для любого врага, включая дерзких пиратов-одиночек. 12 мая 1548 года Луиш де Гойш в отчаянии пишет королю: «Если Ваше Величество в ближайшее время не придет на помощь капитанствам, мы лишимся жизни и владений, а Ваше Величество – всей этой земли». Без единой организующей силы Бразилии конец. Только сильная рука – назначенный королем *governador geral*, который приведет за собой войско, – сможет навести здесь порядок и, пока не поздно, сплавить распадающиеся куски в единое целое.

Это одна из важнейших вех в истории Бразилии: король Жуан III откликается на призыв о помощи и 1 февраля 1549 года отправляет за океан губернатора – Томе де Соузу, уже зарекомендовавшего себя в Африке и Индии. В Баие или в другом подходящем месте ему велено основать столицу, чтобы наконец взять страну под централизованное управление.

Помимо штата чиновников, Томе де Соуза приводит за собой шестьсот солдат и четырехста *degredado*, которые впоследствии должны будут заселить город и его окрестности. Подвозятся необходимые для строительства материалы, и все дружно принимаются за работу: за четыре месяца возводится крепостная стена для защиты будущей столицы, а там, где раньше стояли лишь убогие мазанки, вырастают дома и церкви. Во временном здании *palácio do governo* размещается колониальная и городская администрация, а появление давно необходимой судебной власти знаменует строительство *cárcere*²⁹ – первый знак того, что отныне здесь будет главенствовать закон. Люди должны почувствовать, что они больше не отверженные и всеми забытые изгнанники, которые лишились дома и живут вне сферы прав и обязанностей, – португальское правосудие теперь распространяется и на них. С основанием столицы и назначением губернатора до тех пор аморфный организм Бразилии обретает сердце и мозг.

Шестьсот солдат и матросов и четырехста *degredado* приводит за собой Томе де Соуза – целую тысячу мужчин в доспехах и грубых рабочих рубашках; но для будущего Бразилии куда важнее этой тысячи, готовой отдать в распоряжение новой родине свои руки и силы, становятся шесть человек в простых темных рясах. Эти шесть человек, которых король посылает вместе с Томе де Соузой для духовного руководства и наставничества, приносят самое ценное, что необходимо для существования любого народа и любого государства, – идею, а именно – созидательный образ Бразилии. Шестеро иезуитов обладают свежей, еще не растроченной энергией, так как сам их орден молод и полон священного рвения доказать свое особое предназначение.

²⁹ Тюрьма (порт.).

Еще жив глава ордена Игнасиу³⁰ де Лойола, и его аскетическая воля, железная сила мысли и фанатичная целеустремленность служат наглядным, осязаемым примером самодисциплины; как это бывает со всеми религиозными движениями, душевный жар и моральная чистота на начальном этапе существования ордена, до того, как начнутся настоящие успехи, находятся на самом высоком уровне. В 1550 году иезуиты еще не обладают такой духовной, светской, политической и экономической властью, какую приобретут в последующие века, – а любая власть подрывает нравственную чистоту как человека, так и партии. Неимущие во всех смыслах – как отдельные личности, так и орден в целом, – воплощают лишь определенную волю, то есть вполне себе горнее, не замутненное земными корыстями начало. И появляются они как нельзя кстати, потому что для их амбициозного замысла – восстановить религиозное единство мира посредством духовного воительства – обнаружение новых частей света открывает гигантские перспективы. С тех пор как в 1519 году неумный немец в вормсском рейхстаге разжег религиозную войну, Европа уже на треть, а то и на половину, отпала от церкви, и католицизм, некогда игравший роль *ecclesia universalis*³¹, оказался вытеснен на оборонительные позиции. И тут такая удача – обратить нечаянно обретенные новые земли в старую, истинную веру и таким образом открыть второй, более широкий фронт в тылу первого! Поскольку иезуиты ничего не требуют – ни жалованья, ни привилегий, – король Жуан одобряет их намерение проповедовать католическую веру за океаном и позволяет шестерым «солдатам Христа» присоединиться к экспедиции. На деле же этим шестерым колонизацию суждено не сопроводить, а возглавить.

Монахи-иезуиты открывают новую страницу в истории Бразилии. Все, кто приезжал раньше, делали это либо по приказу, либо под давлением, либо в попытке бегства; любой, кто прежде сходил с корабля на этот берег, рассчитывал извлечь ту или иную выгоду: получить древесину, фрукты, птиц, руду или людей; ни у кого и в мыслях не было дать этой земле что-то взамен. Иезуиты становятся первыми, кто ничего не хочет для себя и радуется только о благе страны. Они привозят с собой растения и животных, чтобы обогащать здешнюю землю, привозят лекарства, чтобы оказывать медицинскую помощь, привозят книги и инструменты, чтобы обучать темный люд, привозят свою веру и привитую учителем крепкую нравственную закваску; самое же главное – они привозят новую идею, самую грандиозную в истории колонизации. До них, среди варварских народов, и в одно время с ними, под испанским владычеством, колонизация означает либо уничтожение коренных народов, либо низведение их до животного состояния; в нравственных представлениях конкистадоров шестнадцатого столетия открытие – это всегда захват, подчинение, угнетение, ущемление и порабощение. Иезуиты же – *os únicos homens disciplinados do seu tempo*³², по выражению Эвклидеса да Кунья, – думают не только о разграблении, но и о созидании, о грядущих поколениях, и с первого дня на новом месте начинают лелеять будущее равенство всех со всеми. Как раз потому, что коренное население находится на низшей ступени развития, его нельзя принижать сильнее, до состояния животных и рабов, – напротив, необходимо возвысить его до уровня человека и через христианство привести к западной цивилизации. Смещением и воспитанием иезуиты рассчитывают выпестовать новую нацию. Именно благодаря этой созидательной концепции Бразилия в конце концов превращается из конгломерата разрозненных элементов в целостный организм и из непримиримых противоречий рождается новое единство.

Само собой, иезуиты понимают, что задачу такого масштаба с ходу не решить. Они не восторженные и рассеянные мечтатели, а их учитель Игнасиу де Лойола – не Франциск Ассизский, верящий в нежную братскую любовь человека к человеку. Иезуиты – реалисты, они закалены ежедневными упражнениями, умеют собирать волю в кулак, чтобы противостоять бес-

³⁰ Также встречается: Игнасио, Игнатий.

³¹ Вселенская церковь (лат.).

³² Единственные дисциплинированные люди своего времени (порт.).

численным человеческим слабостям, и осознают, сколь опасна и кропотлива будет их миссия. Но именно то, что их устремления с самого начала направлены вдаль, в перспективу веков и даже вечности, разительно отличает их от бюрократов и военных, которые жаждут быстрых и осязаемых выгод для себя и страны. Иезуиты прекрасно знают, что для завершения процесса *abrasileiramento*¹ должно смениться не одно поколение и что каждый, кто ставит на кон этого начинания жизнь, здоровье и силы, никогда не увидит даже самых мимолетных результатов своих стараний. То, за что они берутся, – тяжкий труд сеятеля, хлопотная и, на первый взгляд, безнадежная инвестиция; но оттого, что перед ними абсолютно не паханное поле, азарт не затухает, а разгорается только сильнее; своевременное появление иезуитов – большая удача для Бразилии, но и сама Бразилия – большая удача для ордена, так как это идеальная мастерская для шлифовки их идей. Поскольку эту почву никто не возделывал до них и никто не возделывает бок о бок с ними, иезуиты могут с размахом провести неслыханный в истории мира эксперимент: столкнуть материю и дух, содержание и форму, пустую, совершенно дезорганизованную землю и никем еще не испытанную методику организации – всё ради того, чтобы сотворить нечто новое и живое.

В этом счастливом совпадении колоссальной задачи и еще более колоссальной энергии, которая готова взяться за ее решение, особенной удачей становится появление настоящего вождя. Мануэл да Нобрега, которому настоятель поручает отправиться в Бразилию настолько внезапно, что у него даже не хватает времени наведаться в Рим и лично получить инструкции от главы ордена Игнасиу де Лойолы, находится в полном расцвете сил. Ему тридцать два года и, прежде чем вступить в орден, он учился в Коимбрском университете; однако исторической фигурой его делает не богословская ученость, а несусветная энергия и нравственная сила. Нобрега, стесненный дефектом речи, не становится великим проповедником, как Виейра, и не обладает писательским талантом Аншиеты. В духе Лойолы он прежде всего воин. Во время боев за Рио-де-Жанейро он выступает движущей силой армии и стратегическим советником губернатора, в управленческом отношении проявляет себя как гениальный организатор, а проницательность, сквозящая в его письмах, сочетается с героической доблестью, которая не останавливается ни перед каким самопожертвованием. Если сложить только те путешествия, которые он совершил с севера на юг и обратно через всю страну, разъезжая с инспекциями, получатся сотни, а может, и тысячи ночей, проведенных в тревоге и опасности. На протяжении многих лет он губернатор при губернаторе, учитель среди и во главе учителей, градостроитель и миротворец, и нет такого важного события в истории Бразилии того времени, с которым не было бы связано его имя. Освобождение порта Рио-де-Жанейро, основание Сан-Паулу и Сан-туса, усмирение враждебных племен и создание *collégios*³³, организация образования, спасение коренных жителей от рабства – всё это главным образом его заслуга. У истоков стоит именно он, а его ученики и последователи, Аншиета и Виейра, хотя и становятся впоследствии более известными, лишь развивают идеи Нобреги. Эти деятели строили уже не на пустом месте, а на фундаменте. В истории Бразилии, в этой *obra sem exemplo na História*³⁴, первая страница написана рукой Нобреги, и в наши дни каждый росчерк этой энергичной и твердой руки остается неизгладимым.

Сразу по прибытии иезуиты оценивают обстановку. Прежде чем учить других, они стремятся научиться сами, и один из братьев без промедления берется за дело, чтобы как можно быстрее овладеть языком коренных жителей. С первого взгляда становится ясно, что аборигены застряли в самом примитивном кочевом состоянии. Они ходят в чем мать родила, не знают труда, не имеют ни украшений, ни простейшего инструмента. Для пропитания им хва-

³³ Колледжи (порт.).

³⁴ Беспримерная работа (порт.).

тает того, что дают деревья и реки, и, как только одна территория истощается, они идут дальше. По сути своей добродушная и незлобивая раса, они ведут войну друг с другом лишь для того, чтобы брать пленных, которых затем с большой торжественностью съедают. Однако даже этот людоедский обычай зиждется не на какой-то особой жестокости их природы – наоборот, эти варвары дают пленнику своих дочерей в жены, холят его и лелеют, прежде чем убить. Пытаясь отучить их от каннибализма, священники встречают скорее недоуменное изумление, чем воинственный отпор: эти дикие люди живут вне каких-либо культурных и нравственных представлений, и поедать пленников для них – такое же невинное праздничное развлечение, как пить, плясать и спать с женщинами.

Этот чудовищно низкий уровень развития поначалу кажется непреодолимым препятствием для работы иезуитов, но на самом деле облегчает им задачу. Дело в том, что у этих нагих существ вообще отсутствуют религиозные или нравственные представления, поэтому их гораздо проще прививать абсолютным дикарям, чем народам, у которых уже есть свой главенствующий культ и волхвы, священники и шаманы яростно противятся миссионерам. Коренное население Бразилии, в отличие от таких племен, «чистый лист», – *papel em branco*, как выражается Нобрега; эти люди легко и податливо усваивают новые наставления и открыты любому поучению. Повсеместно аборигены встречают *brancos*³⁵, священников, без тени недоверия: «*Onde quer que vamos, somos recebidos com grande boa vontade*»³⁶. Они безропотно соглашались принять крещение и – почему бы и нет? – с охотой и благодарностью идут в церковь вслед за священниками, «добрыми белыми», которые защищают их от других, «злых белых». Конечно же, иезуиты, будучи просвещенными и трезвыми реалистами, понимают, что вялое, бездумное согласие, с которым каннибалы преклоняют колени и творят крестные знамения, еще очень далеко от истинной христианской веры – даже у знаменитого защитника их миссии в Сан-Паулу, Тибирисы, иногда случались рецидивы каннибализма; они не тратят времени зря на ведение хвостовских подсчетов обращенных душ. Иезуиты знают, что их истинная задача – работать на перспективу. Сначала кочевников надо приучить к оседлому образу жизни; тогда можно будет взяться за их детей и заняться их образованием. Нынешнее поколение людоедов по-настоящему окультурировать уже не получится. Однако воспитать в русле европейской культуры их потомков – детей и внуков – вполне реально. Поэтому для иезуитов самое важное – создать школы, в которых они, весьма дальновидно и планомерно, начинают смешивать представителей разных рас, чтобы превратить Бразилию в единое целое, которое только как целое и способно сохраниться. Они сознательно объединяют ребятишек из хижин дикарей с многочисленными мулатами и настойчиво требуют отправить сюда белых детей из Лиссабона – пусть даже это будут обездоленные сироты, подобранные на улицах португальской столицы. Они рады каждому новому элементу, обогащающему эту смесь, даже *moços perdidos, ladrões e maus que aqui chamam de patifes*³⁷. Поскольку коренные жители с большим доверием воспринимают духовные наставления от сородичей с такой же смуглой или чуть более осветленной кожей, чем от белых чужаков, иезуиты хотят взрастить учителей народа, которые будут с этим народом одной крови. В отличие от всех остальных, они мыслят исключительно в интересах грядущих поколений; жесткие, здраво рассуждающие и расчетливые реалисты, они – единственные, у кого есть подлинное видение будущей Бразилии, которая пока что находится в процессе становления; и, хотя гигантская площадь этой страны пока еще не измерена ни одним географом, работа сразу ведется с подобающим размахом. Стратегия иезуитов направлена в будущее, и конечная цель остается неизменной на протяжении столетий: создание новой страны посред-

³⁵ Белые (порт.).

³⁶ «Куда бы мы ни шли, нас встречают с большой доброжелательностью» (порт.).

³⁷ Заблудшие мальчишки, воришки и сорванцы, которых здесь именуют отбросами (порт.).

ством единой религии, языка и мировоззрения. Достижение этой цели – дань благодарности тем, кто стоял у истоков бразильской государственности.

Настоящее сопротивление, с которым сталкиваются иезуиты при осуществлении амбициозного плана колонизации, исходит не от местных, как можно было бы ожидать, не от дикарей, не от людоедов; оно исходит от европейцев – колонистов христианского вероисповедания. До сих пор для всех этих дезертировавших солдат, беглых матросов и прочих *degradado* Бразилия была экзотическим раем, страной без законов, ограничений и обязательств, где каждый мог творить что захочет. Правосудие и власть им не особо досаждали, и они могли свободно удовлетворять свои самые низменные страсти; то, что на родине каралось кандалами и клеймом, здесь воспринималось как почти невинное развлечение – всё в соответствии с доктриной конкистадоров: «*Ultra equinoxialem non recedatur*»³⁸. Они присваивали землю, где и сколько хотели, хватали без разбору туземцев и кнутом принуждали их к тяжкому труду. Они брали любую женщину, которая попадалась им на пути, и чудовищное количество детей-полукровок вскоре стало наглядным свидетельством их необузданного распутства. Рядом не было никого, кто мог бы призвать их к порядку, и все эти ребята, многие из которых имели на плечах клейма каторжников, жили как паши, не заботясь о законе и религии, а главное – не выполняя никакой настоящей работы. Вместо того чтобы цивилизовать новую землю, первые колонисты сами проваливались в дикость.

Обуздать эту грубую, привыкшую к праздности и самовластию коудлу – задача не из легких. Больше всего благочестивых братьев шокирует безудержное многоженство – все эти коричневые гаремы. Но, впрочем, стоит ли винить мужчин в том, что они беспорядочны в связях, если у них нет никакой возможности законно жениться? Как создать семью – основу гражданского добронравия – при полном отсутствии белых женщин? В связи с этим Нобрега убеждает короля прислать женщин из Португалии: «*Mande Vossa Alteza mulheres órfãs, porque tôdas casarão*»³⁹. А поскольку ожидать, что португальские фидальгу отправят дочерей в далекое захолустье, чтобы те нашли супругов среди невежественного мужичья, не приходится, Нобрега простирает свое великодушие так далеко, что просит короля везти в Бразилию и падших женщин – проституток с улиц Лиссабона. Тут, мол, каждая найдет себе мужа. Совместными усилиями духовных и государственных властей постепенно удастся навести какой-никакой порядок в вопросах морали. Но в одном отношении вся колония оказывает ожесточеннейшее сопротивление – в отношении рабства: с 1500 до почти 1900 года эта проблема стоит в Бразилии острее всех других. Земля нуждается в руках, а рук не хватает. Немногочисленных переселенцев недостаточно для выращивания сахарного тростника и работы на *engenhos* – примитивных производствах; да и не для того все эти авантюристы и конкистадоры пришли в далекие тропики, чтобы теперь орудовать мотыгой и лопатой. Им охота быть господами, и они прекрасно устраиваются: ловят туземцев, как зайцев, и под угрозой кнута заставляют их работать на износ; раз здешняя земля, как заявляют колонисты, принадлежит им, всё, что живет на ней и под ней, включая этих двуногих зверей с коричневой кожей, – тоже их. Если один загнется на непосильной работе, они отправятся на молодецкую *са́са al branco*⁴⁰ и изловят горстку новых, да еще и выпьются азартом охоты.

Против этого удобного подхода активно выступают иезуиты, поскольку порабощение и опустошение бразильской земли входит в резкое противоречие с их далеко идущими, тщательно продуманными планами. Нельзя допустить, чтобы колонисты превращали местных жителей в скот, так как основная задача – приучить темный народ к религии и к земле, дать ему

³⁸ Нет греха ниже экватора (лат.).

³⁹ «Ваше Высочество, пришлите женщин-сирот – здесь они все выйдут замуж» (порт.). Выражение *Vossa Alteza* (Ваше Высочество) в XV–XVI веках использовалось как обращение к королю.

⁴⁰ Белая охота (порт.)

будущее. Каждому свободному индейцу, считают иезуиты, нужно прививать оседлый, цивилизованный образ жизни. До сих пор в интересах колонистов было бесконечно стравливать племена между собой, чтобы те поскорее перебили друг друга и можно было по дешевке покупать пленных; иезуиты же, напротив, стремятся враждующие племена примирить и, используя громадное пространство, изолировать путем расселения. Для них индейцы – будущие бразильцы и обращенные христиане – представляют собой, возможно, главную ценность этой земли, ценнее тростникового сахара, красного дерева и табака, ради которых их гнобят и истребляют. Братья-монахи хотят использовать этих не сформированных пока людей как богом данную подпитку для местной почвы подобно тому, как они использовали плоды и растения, привезенные из Европы, – а не смотреть, как те чахнут и дичают. Они прямо требуют у короля свободы для индейцев: согласно их видению, в Бразилии грядущего не станет разделения на белых господ и цветных рабов, а будет только единый свободный народ, живущий на свободной земле.

Даже депеша от короля и личный монарший указ теряют повелительную силу, если изданы за три тысячи миль отсюда, и горстка священников, половина из которых неустанно разъезжает по стране, выполняя миссионерский долг, бессильна против своекорыстной воли целой колонии. Чтобы спасти хотя бы часть коренных жителей, иезуитам приходится идти на компромиссы в вопросах, касающихся рабства. Они разрешают обращать в него пленных, захваченных в ходе «праведных» войн (то есть оборонительных войн против местных племен), и, естественно, это допущение порождает самые расплывчатые и произвольные толкования. Более того, чтобы их не обвинили в том, что они препятствуют стремительному развитию колонии, иезуиты вынуждены дать добро на ввоз африканских негров; даже эти просвещенные, гуманистически настроенные люди не могут в полной мере уйти от мировоззрения своей эпохи, в рамках которого негр-раб – такой же предмет купли-продажи, как шерсть или древесина. В те годы в Лиссабоне – а это европейская столица – уже обитают десять тысяч чернокожих рабов; на каком же основании лишать привычной рабочей силы колониальную страну? Даже сами иезуиты не гнушаются приобретать негров; совершенно невозмутимо Нобрега сообщает, что купил для коллегиума⁴¹ трех рабов и несколько коров. Однако принципа, что бразильские туземцы не дичь для любого залетного авантюриста, иезуиты придерживаются твердо; они защищают каждого из крестников, и именно нравственная непреклонность, с которой они борются за права коричневых бразильцев, их и погубит. Ничто так не осложняло положение иезуитов в Бразилии, как их упорствование в замысле, согласно которому страна должна быть заселена и одушевлена свободными людьми; с болью один из братьев признает: «Мы жили бы гораздо спокойнее, если бы сидели себе в коллегиумах и ограничивались только религиозным служением». Но не зря основатель их ордена – бывший солдат: он воспитывал учеников в духе борьбы за идею. И они утверждали всей своей жизнью эту идею – идею Бразилии.

Тут Нобрега показывает себя великолепным стратегом: задумывая обустройство будущего государства, он сразу нащупал правильную исходную точку, от которой следовало отталкиваться. Вскоре после приезда в Баию он открыл там первую школу и вместе с прибывшими следом братьями совершил множество трудных, изматывающих путешествий, исколесив все побережье от Пернамбуку до Сантуса, где основал Сан-Висенти. Он искал подходящее место для главного коллегиума – интеллектуального и духовного центра, влияние которого со временем должно было проникнуть в каждый уголок страны, – и никак не мог его найти. На первый взгляд трудно понять этот кропотливый, вдумчивый поиск идеальной точки для базы иезуитов. Почему бы не разместить штаб в Баие – в столице, где расположены резиденции губернатора и папского епископа? Но именно здесь впервые проявляется подспудный конфликт, который со временем перерастет в открытую и даже насильственную борьбу. Орден Лойолы

⁴¹ Иезуитское учебное заведение.

не желает разворачивать деятельность под государственным и даже под папским контролем; с самого начала иезуиты в Бразилии преследуют более амбициозные замыслы и цели, чем просто поучать, помогать, выполнять приказы короны и курии – словом, быть орудием колонизации. Для них Бразилия – это решительный эксперимент, первая проверка жизнью их организационного потенциала, и Нобрега говорит без обиняков, что *esta terra é nossa empreza*⁴², подразумевая: мы ответственны за ее решение перед Богом и людьми. Но ответственность сильный человек предпочитает нести в одиночку. Без сомнения, иезуиты – и это как раз причина скрытого недоверия, которое с самого начала и на протяжении столетий сопровождает их деятельность в Бразилии, – лелеяли здесь сокровенную, не вполне очевидную окружающим цель. Сознательно или бессознательно они стремились не просто благоустроить очередную португальскую колонию, ничем не отличающуюся от множества других, а создать теократическое общество, уникальное государственное образование, свободное от власти денег и силы, – впоследствии нечто подобное они попытаются реализовать в Парагвае. С первого дня они желали выковать из Бразилии нечто небывалое, новое, такое, что послужит примером другим; и эта новаторская концепция рано или поздно должна была войти в противоречие с меркантильными феодалистскими замашками португальского двора. Уж точно орден гнался не за тем, чтобы ради личных выгод подмять под себя Бразилию в административном или экономическом смысле – в чем их часто обвиняли противники.

Но то, что иезуиты жаждали большего, чем только проповедовать в Бразилии Евангелие, и, в отличие от других религиозных орденов, преследовали здесь иные, более далеко идущие цели, с самого начала ощущали и правительство, которое следило за ними с потаенным недоверием и при этом охотно пользовалось плодами их трудов, и курия, которая не намерена была делить духовную власть с кем бы то ни было еще, и колонисты, которым братья-монахи мешали беззастенчиво разорять здешнюю землю. Иезуиты не желали ничего зримого; они хотели воплотить в жизнь духовный, идеалистический – а следовательно, недоступный для понимания современников – принцип, и именно поэтому с самого начала сталкивались с противодействием, которому в конце концов вынуждены были уступить: их изгнали из земли, в которую они, вопреки всему, успели заронить плодотворное семя. Таким образом, поиски Нобрега имели глубокий смысл: желая как можно дольше избегать конфликта интересов, он хотел разместить свой Рим, свою духовную столицу подальше от резиденций губернатора и епископа; только там, где он имел бы возможность действовать без помех и надзора, мог осуществиться тот постепенный и трудоемкий процесс кристаллизации, который ему грезился. Перемещение духовного центра с побережья вглубь страны давало массу преимуществ как в географическом отношении, так и в плане катехизации. Это был идеальный плацдарм – перекресток дорог в континентальной части Бразилии, защищенный горами от пиратских нападений с моря и вместе с тем расположенный, с одной стороны, недалеко от океана, а с другой, поблизости от туземных племен, которые нужно было вовлечь в процесс цивилизации и из кочевого состояния перевести в оседлое.

Выбор Нобрега падает на Пиратининью, нынешний Сан-Паулу, и впоследствии сама история подтвердила гениальность этого интуитивно принятого решения, поскольку промышленность, торговля, предпринимательство – всё продолжает стремиться сюда даже несколько столетий спустя. На том самом месте, где 24 января 1554 года Нобрега с помощниками строят *raurétrima e estreitíssima casinha*⁴³, сегодня бурлит современный город с небоскребами, заводами и многолюдными проспектами. Место Нобрега выбирает отличное. Климат на плоскогорье умеренный, земля плодородная и богатая, рядом расположен порт, а по рекам можно выйти ко всем крупным водным артериям – к Паране, Парагваю и далее к Ла-Плате; отсюда

⁴² Эта земля – наша задача (порт.).

⁴³ Скромная и тесная лачужка (порт.).

миссионерам удобно выдвигаться в любую сторону, к любому племени, чтобы окормлять жителей ближних и дальних рубежей страны. Кроме того, вблизи этого маленького поселения пока что нет ни одной колонии *degredado*, а значит, отсутствует их разлагающее влияние; сами же колонисты быстро завоевывают симпатии соседних племен благодаря небольшим подаркам и хорошему обращению. Без большого труда священникам удастся собрать местных жителей в маленькие *aldeias*⁴⁴ – хозяйственные объединения, которые во многом напоминают нынешние русские колхозы; и вот Нобрега уже сообщает: «*Vai-se fazendo uma formosa povoação*»⁴⁵. Сам орден пока что не имеет обширных земельных владений – они появятся позже, – и поначалу скудость средств тормозит развитие коллегіума. Тем не менее подготовка новых братьев – как белых, так и цветных – идет полным ходом, и вскоре, освоив местный язык, они начинают в качестве *missões volantes*⁴⁶ разъезжать от племени к племени, стараясь прививать кочевникам оседлый образ жизни и христианскую веру. Так создается важный опорный пункт – первая *escola para muitas nações de índios*⁴⁷, – и между миссионерами и местными племенами вскоре возникает вполне искреннее чувство солидарности; при первом же нападении бродячих шаек именно новообращенцы под началом вождя Тибирисы отбивают атаку, сражаясь доблестно и самоотверженно. Начинается грандиозный эксперимент по организации новой нации под внешним духовным руководством, который позже получит уникальное воплощение в Парагвае, где иезуиты создадут собственную республику.

Постройка нового населенного пункта – большой шаг вперед и в национальном плане. Нобреге удастся поймать баланс, необходимый для будущего государства. Если ранее Бразилия, в сущности, представляла собой лишь узкую полосу побережья с тремя-четырьмя портовыми городами на севере, которые торговали преимущественно экзотическими товарами, то теперь повсюду начинается освоение южных и внутренних районов страны. Постепенно скапливавшаяся энергия вдруг порождает качественный скачок, и страна начинает с любопытством и нетерпением познавать саму себя – свои рельефы и реки, ширь и глубину. Когда колонизация приняла упорядоченный характер и распространилась на внутренние районы страны, ранее заложенная идея начала облекаться в плоть и кровь.

Бразилии всего-то лет пятьдесят, и после бессознательных зародышевых телодвижений она наконец начинает проявлять признаки действительно разумной, самостоятельной жизни. Дают о себе знать первые результаты организованной колонизации. Сахарные плантации Баии и Пернамбуку, хотя и обрабатываются по-прежнему примитивно, приносят значительную прибыль. Всё чаще к здешним берегам пристают корабли, чтобы забрать сырье и обменять его на товары; тех, кто рискует плыть в такую даль, пока что немного, и в книгах вряд ли удастся найти рассказ об этом обширном континенте. Но именно нерешительность и спорадичность, с которыми колония вступает в мировую торговлю, в конечном счете оборачиваются для Бразилии благом, поскольку ничто не мешает ей развиваться естественным путем. В эпоху завоеваний и порабощений оставаться незамеченной и нежеланной – большая удача для страны; сокровища, которые обнаружил Альбукерке в Индии и на Молуккских островах, добыча, привезенная Кортесом из Мексики и Писарро из Перу, счастливым образом отвлекают от Бразилии внимание и алчность других народов. «Страна попугаев» до сих пор считается *quantité négligeable*⁴⁸ и ни свою метрополию, ни другие особо не заботит.

Поэтому, когда 10 ноября 1555 года в заливе Гуанабара появляется небольшая эскадра под французским флагом и на один из островов высаживается пара сотен человек, воен-

⁴⁴ Деревни (порт.).

⁴⁵ «Растет прекрасный городок» (порт.).

⁴⁶ Странствующие миссионеры (порт.).

⁴⁷ Школа для многих индейских народов (порт.).

⁴⁸ Незначительной величиной (франц.).

ного конфликта не происходит. Де-факто в чужие владения французы не вторгаются. Рио-де-Жанейро – тогда еще не город, а хорошо если деревушка. Тут и там разбросаны несколько хижин, в которых нет ни солдат, ни чиновников португальского короля, и необычный авантюрист, который поднимает здесь флаг, совершает свой дерзкий рейд совершенно невозбранно, не встречая никакого сопротивления. Родосский рыцарь⁴⁹ Николя Дюран де Вильганьон – неоднозначная, но весьма обаятельная фигура: наполовину пират, наполовину ученый, плоть от плоти эпохи Возрождения. За несколько лет до этого он доставил Марию Стюарт из Шотландии ко французскому двору, не раз отличался в сражениях, пробовал себя в разных видах искусств. Ронсар восхваляет его, а двор опасается: этот непредсказуемый, подвижный, как ртуть, дух не терпит никакой упорядоченной деятельности и презирает лучшие должности и высшие звания, желая лишь свободно и беспрепятственно следовать своим нередко фантастическим прихотям. Гугеноты считают его католиком, католики – гугенотом. Никто понятия не имеет, какой цели он служит, да и сам он, возможно, не знает о себе ничего, кроме того, что он хочет совершить нечто великое и особенное, что-то такое, чего никто до него не совершал, какой-то безумный, отчаянный, романтический, неслыханный подвиг. В Испании он стал бы Писарро или Кортесом, но его король, всецело занятый внутренними делами страны, не отряжает флотилий к далеким землям; Вильганьон с этим мириться не может и ищет приключений самостоятельно. Он собирает несколько кораблей и сажает на них несколько сот человек: в основном гугенотов, которые во Франции при Гизах чувствуют себя неуютно, но также и католиков, желающих отправиться в Новый Свет. А поскольку Вильганьон еще и крайне тщеславен, он предусмотрительно берет с собой историографа Андре Теве, лелея заветную мечту – основать France Antarctique⁵⁰ и стать управителем, а может, и своевольным владыкой этой земли. Насколько французский двор был осведомлен об этих планах, в какой мере одобрял или даже поощрял их, сказать трудно. Вероятно, в случае успеха король Генрих приписал бы всю славу этого предприятия себе – так же, как Елизавета Английская похвалялась свершениями пиратов Рейли и Дрейка. Но для начала Вильганьону позволяют попытать счастья в качестве частного лица, так как, будь это официальная миссия, аннексия была бы чревата ссорой с Португалией, а королю это не нужно.

Будучи опытным солдатом, Вильганьон первым делом думает об обороне и сразу по прибытии на остров, который в настоящее время носит его имя⁵¹ строит форт Колиньи, называя его в честь гугенотского адмирала, а будущий город напротив, представляющий собой пока что и не город вовсе, а болото да голые холмы, в знак уважения к своему королю нарекает Генривиллем. В 1556 году, когда найти во Франции католиков для вымечтанной колонии больше не удастся, Вильганьон, лишенный предрассудков, связанных с верой, привозит новую партию кальвинистов из Женевы; но, поскольку живут все скученно, вскоре начинаются стычки на религиозной почве. Двум проповедникам, именующим друг друга еретиками, трудно сосуществовать на тесном островке. Тем не менее France Antarctique основана, и французы, будучи противниками рабства, вскоре налаживают отличные отношения с местными жителями, с которыми ведут активную торговлю; с этого времени французские корабли навещаются сюда регулярно, заходя в эту официально не признанную Францией гавань как в свое законное владение.

Португальский губернатор в Баие не может оставаться равнодушным к столь наглому вторжению. Согласно тогдашним правовым нормам, бразильское побережье считается *mare clausum*⁵², то есть иностранным кораблям нельзя там ни приставать, ни вести торговлю; соору-

⁴⁹ С 1310 по 1522 год остров Родос был суверенным владением ордена госпитальеров.

⁵⁰ «Антарктическая Франция» (франц.).

⁵¹ По-русски название острова обычно передается как Виллеганьон

⁵² Закрытое море (лат.).

жение в лучшем порту колонии крепости, где сидит иностранный военный гарнизон, чревато разделением юга и севера и, как следствие, уничтожением единства страны. Решение вроде бы лежит на поверхности: иностранные суда надо захватить, а поселение сровнять с землей, – но у губернатора де Соузы попросту нет сил на военную операцию подобного масштаба. Несколько сотен солдат, прибывших вместе с ним в Бразилию, давно уже возделывают землю, растят сахар и не горят желанием после стольких спокойных лет вновь облачаться в латы; у молодой колонии по-прежнему нет ни национального чувства, ни гражданской сознательности, а у Португалии – ни понимания опасности, ни, как водится, денег на стремительный бросок. Для короны Бразилия по-прежнему остается Золушкой: ей не придается большого значения, и снаряжать ради нее дорогостоящий флот никто не собирается. Поэтому у французов достаточно времени, чтобы построить укрепления и окопаться; только когда в 1557 году в Баию присылают нового губернатора, Мема ди Са, начинается подготовка к походу. Мем ди Са безгранично доверяет Нобреге и полностью подчиняется его духовному авторитету. Именно Нобрега с присущей ему страстной энергичностью требует как можно скорее выступить против французов. Иезуиты лучше знают эту землю и больше обеспокоены ее будущим, чем купцы в Лиссабоне, оценивающие далекие земли лишь по сиюминутной выручке от пряностей, а также понимают, что, если французские гугеноты смогут закрепиться на бразильском побережье, не только единство территории, но и единство веры будет разрушено навсегда. Губернатор и Нобрега по очереди шлют в Португалию письмо за письмом, требуя *faça socorrer a êsse pobre Brasil*⁵³. Но Португалия – новый Атлант – вынуждена нести на хрупких плечах весь мир, и проходит еще два года, прежде чем в 1559 году из Лиссабона наконец прибывает несколько кораблей и Мем ди Са может всерьез задуматься о военной операции против захватчиков.

Истинным руководителем похода становится Нобрега, который вместе с Аншиетой старается завербовать как можно больше крещеных туземцев, чтобы усилить слабый португальский отряд. 18 февраля 1560 года он одновременно с губернатором прибывает к Рио, а 15 марта, как только подходят собранные на скорую руку подкрепления из Сан-Висенти, начинается штурм форта Колиньи. С сегодняшней точки зрения это знаменательное событие, скорее всего, покажется войной мышей и лягушек. Сто двадцать португальцев и сто сорок индейцев штурмуют форт Колиньи, который защищают семьдесят четыре француза и несколько рабов. Французы не выдерживают натиска и сбегают на материк, где укрываются у своих друзей-индейцев и строят новые укрепления на Морро-ду-Каштелу. Португальцы празднуют победу, так как форт Колиньи – цитадель неприятеля – взят; не преследуя и не уничтожая французов, они возвращаются в Баию и Сан-Висенти.

Но это победа лишь наполовину, поскольку французы остаются в стране. По сути, их оттеснили всего на километр, то есть на расстояние, которое сегодня на автомобиле можно проехать за пять минут. Как и прежде, они спокойно сидят в порту, продолжают вести торговлю, нагружают и разгружают суда, строят на Морро-ду-Каштелу новую крепость вместо старой и даже вовсю зовут тамойос – индейцев, с которыми у них сложились дружеские отношения, – на вылазки против португальцев: первое нападение представителей этого племени на Сан-Паулу, вероятно, было организовано именно французами. Но Мем ди Са не в силах изгнать захватчиков. Виной тому извечная – от открытия Бразилии до сегодняшнего дня – проблема: нехватка людей. Все руки, находящиеся в распоряжении Мема ди Са, нужны в Баие, иначе остановится производство сахара – основа здешней экономики; к тому же изрядная часть населения выкошена опустошительной чумой. Без поддержки Португалии невозможно выбить французов с их новых позиций, а ждать этой поддержки приходится бесконечно долго; колонисты Вильгальона беспрепятственно живут в Рио еще пять лет, и никто не в силах их выдворить. И снова именно Нобрега забрасывает письмами Лиссабон, настойчиво напоминая, что, пока Португа-

⁵³ Помочь бедной Бразилии (порт.).

лия медлит, Франция шлет военную помощь, и если так и будет продолжаться, то Рио, а с ним и вся Бразилия будут окончательно потеряны для короны. Наконец королева уступает его настойчивым просьбам и присылает из Португалии Эштасиу ди Са⁵⁴, задача которого – соединиться с отрядом, подготовленным иезуитами, и одолеть врага. Вновь начинается лилипутская войнушка. 1 марта 1565 года Эштасиу ди Са входит с флотилией в бухту Рио и разбивает лагерь у Пан-ди-Асукар, на месте современной Урки. Сегодня трудно в это поверить, но прежде чем начинается штурм Морро-ду-Каштелу – которая находится ровно в десяти минутах езды на автомобиле, – проходит столько же месяцев. Только 18 января 1566 года Эштасиу ди Са ведет солдат в атаку; бой продолжается несколько часов, стороны теряют двадцать или тридцать человек, но исход стычки имеет всемирно-историческое значение: суждено городу впредь именоваться Рио-де-Жанейро или Генривилль, будут в Бразилии говорить по-португальски или по-французски. Таковы были масштабы тогдашних сражений: две-три дюжины солдат в Индии или в Америке предопределяли облик и судьбу целой части света на долгие века. Эштасиу ди Са, раненный стрелой, платит за победу жизнью. Но на этот раз победа – решающая: французы на кораблях спешно покидают страну и приносят во Францию лишь весть о табаке, называя его в честь дипломата Жана Нико. На развалинах французской крепости Морро-ду-Каштелу епископ освящает новую церковь. В этот миг рождается будущая столица Бразилии – город Рио-де-Жанейро.

Это была лилипутская война, но именно она сохранила единство страны: отныне Бразилия принадлежит бразильцам. Теперь колонии нужно отстраиваться, и на это ей дается почти пятьдесят лет абсолютно мирного существования. Границы постепенно смещаются в сторону Параибы, Риу-Гранди-ду-Норти, вглубь страны; поселения иезуитов в Сан-Паулу бурно развиваются, плантации на побережье приносят доход, и наряду с постоянно растущим экспортом сахара и табака здесь процветает и более темный бизнес – импорт «черной слоновой кости». Каждый месяц в Бразилию привозят новых и новых рабов из Гвинеи и Сенегала, и тех, кто не умер по пути в переполненных, зловонных трюмах, продают на крупном рынке в Баие. На некоторый промежуток времени из-за наплыва негров и невообразимого количества *mameluco* – метисов всех оттенков, которых плодят португальцы, – европейское, цивилизационное влияние начинает ослабевать. На горстку дельцов, которые стригут баснословные прибыли, в прибрежных городах приходится бесчисленное количество цветных рабов; если бы не уравнилительная работа иезуитов, которые во внутренних районах страны всюду строят фермы и приучают население к оседлому образу жизни, – они изначально противостояли истреблению коренных народов и, отбросив предрассудки, способствовали смешению рас, – Бразилия, возможно, стала бы африканской страной, поскольку метрополия выказывала полное безразличие к тому, что там творится. Раздираемая десятками войн, Европа не может дать далекой земле новых колонистов, и лишь немногочисленные прозорливцы потихоньку начинают осознавать ценность этого края; уже в 1587 году Габриэль Соареш ди Соуза в трактате «*Roteiro*»⁵⁵ пишет пророческие слова: «*Estará bem empregado todo cuidado que Sua Majestade mandar ter deste novo reino, pois está capaz para se edificar nelle hum grande imperio o qual com pouca despeza deste reino se fará tão soberano que seja hum dos estados do mundo*»⁵⁶.

Однако времена, когда Португалия, владеющая половиной мира, могла о ком-то еще позаботиться, давно миновали, так как ее грандиозная романтическая мечта – распространить

⁵⁴ Эштасиу ди Са (1520–1567) – португальский военачальник, племянник Мема ди Са.

⁵⁵ «*Roteiro geral da costa brasilica*» («Большое путешествие по побережью Бразилии») – сочинение португальского исследователя и натуралиста Габриэля Соареша ди Соузы (пр. 1540–1592), в котором тот описывает побережье Бразилии от Амазонки до Ла-Платы.

⁵⁶ «Все заботы, которыми Его Величество повелит окружить это новое королевство, окупятся сторицей, ибо здесь можно построить великую империю, которая при самых скромных затратах короны сделается столь могущественной, что сравняется с ведущими мировыми державами» (порт.).

на трех континентах свою власть и христианскую веру – исчерпана. Этой маленькой отважной стране мало было владеть обоими берегами Африки, восточным и западным, мало было обладать торговой монополией по всей Индии до самого Китая. Король Себастьян, последний и самый смелый мечтатель этого героического рода, грезит о крестовом походе, который раз и навсегда сокрушит мусульманское могущество. Вместо того чтобы распределить лучшие силы, рыцарей и солдат, по колониям и, действуя трезво и расчетливо, сохранить империю «Лузиада», он, словно рыцарь Круглого стола в серебряных доспехах, собирает всё войско в кулак и отправляется в Африку, чтобы одним ударом уничтожить заклятого мавританского врага. Однако удар этот становится губительным не для мавров, а для него самого: в 1578 году в битве при Эль-Ксар-эль-Кебире – в этом последнем, запоздалом крестовом походе Запада против Востока – португальская армия разгромлена, а король Себастьян убит. Это чудовищное напряжение воли обернулось тяжелейшими последствиями: маленькая Португалия, которая пыталась подчинить себе всю вселенную, сама теряет независимость и Испания захватывает освободившийся трон. Обескровленная тысячами сражений страна не способна оказать никакого сопротивления; на шестьдесят два года, с 1578 по 1640-й, Португалия исчезает из истории как самостоятельное королевство. Все ее колонии, а значит и Бразилия, переходят во владение испанской короны.

В эту эпоху Филипп II становится правителем мировой империи, которая значительно превосходит былые владения Александра и римского императора Августа. Помимо Пиренейского полуострова, Габсбургу принадлежат Фландрия и вся освоенная к тому времени Америка, три четверти Африки и завоеванное португальцами индийское царство. Это ощущение силы и величия отражается в искусстве Иберии. Создают свои несравненные произведения Сервантес, Лопе де Вега, Кальдерон; все богатства земли стекаются в победоносный край.

Триумф Испании не приносит Бразилии никакой значимой роли и уж точно никаких выгод; невольное присоединение к иберийской империи не укрепляет ее позиций – наоборот, колония, которая до сих пор жила тихо и мирно, теперь подвергается нападениям всех врагов Испании: английские пираты грабят Сантус и сжигают Сан-Висенти, французы временно оккупируют Мараньян, голландцы вторгаются в Баию и грабят там корабли. Бразилии приходится на собственной шкуре ощутить, сколько стран после уничтожения испанской армады борются за господство на морях. Впрочем, весь этот беспорядочный пиратский разбой серьезного ущерба Бразилии не наносит: поверхностные ссадины и заварушки местного значения не могут затормозить стремительного развития страны. Опасной ситуация становится лишь тогда, когда в Голландии возникает четкий, тщательно продуманный план не только продолжить грабить порты, но и захватить целиком *het Zuikerland*⁵⁷, как именуют Бразилию эти бравые ребята – по лучшему ее товару.

Голландия, с ее образцовой экономикой, прекрасно понимает ценность Бразилии, и едва ли от недреманного ока тамошних купцов ускользнули слова, прозвучавшие в «*Diálogos das grandezas do Brasil*»⁵⁸ (1618): дескать, в Бразилии богатств больше, чем в Индии. Поэтому вряд ли можно считать совпадением, что в 1621 году по аналогии с Ост-Индской компанией в Амстердаме создается компания *das Índias Ocidentais*⁵⁹ с большим уставным капиталом – якобы лишь для торговли с Бразилией и Южной Америкой, но на самом деле с тайным умыслом установить над этой могучей страной голландское господство и заполучить монополию на торговлю. Люди, сидящие в этой компании, прекрасно умеют считать и понимают, что большая цель требует больших вложений; чтобы захватить Бразилию и, что еще важнее, закрепиться

⁵⁷ Страна сахара (нид.).

⁵⁸ «Диалоги о величии Бразилии» – книга, приписываемая Амбросиу Фернандешу Брандану; речь в ней идет о географии и экономике Бразилии.

⁵⁹ «Восточной Индии» (порт.); имеется в виду Голландская Вест-Индская компания.

в ней, нельзя, как это сделали французы, попросту отправить пару-тройку кораблей с наспех нанятыми матросами и горсткой колонистов, которым осточертела Европа, – нужно снарядить полноценный флот и укомплектовать его обученными военными кадрами. Ставки явно выросли, и это как нельзя лучше показывает, какое значение Бразилия за минувшие пятьдесят лет приобрела для всего мира. В то время как Вильганьон отправляется покорять «Антарктическую Францию» на трех-четырёх кораблях и в решающих боях семьдесят человек идут на сотню, голландская компания сразу отряжает к бразильским берегам двадцать шесть судов, на которых плывут тысяча семьсот подготовленных солдат и тысяча шестьсот моряков.

Первый удар наносится по столице. 9 мая 1624 года голландцы почти без сопротивления берут Баию и вывозят на родину горы награбленного добра. Только тут Испания, опомнившись, отправляет в Бразилию пятьдесят с лишним кораблей и одиннадцать тысяч человек; объединившись с местными войсками, подошедшими из Пернамбуку, они успевают отбить Баию до прибытия второй голландской флотилии, состоящей из тридцати четырех судов. Осознав всю значимость этого недооцененного края, мир во сто крат увеличивает усилия, лишь бы утвердить свое право на «Страну сахара». Голландцы вынуждены оставить Баию, но компания собирает еще более мощное войско для новой атаки и на сей раз добивается успеха. В 1635 году голландцы занимают Ресифи, а в последующие годы – и всё северное побережье. С этого времени на протяжении двадцати трех лет север Бразилии существует автономно под голландским управлением.

Колонизационные достижения голландцев за эти двадцать три года поистине впечатляют. Они значительно превосходят всё, что португальцы сумели сделать за предыдущее столетие. У голландцев есть четкие, уже испытанные на практике алгоритмы действий. Они не доверяют колонизацию и управление случайным анархическим элементам и посылают за океан не отбросы общества, а лучших людей, прошедших строгий отбор. Мориц Нассауский, который занимает должность губернатора и повелевает новыми владениями от имени короны, не только принц крови, но и настоящий аристократ духа – дальновидный, великодушный и терпимый. Он привозит целый штат специалистов: инженеров, ботаников, астрономов, ученых, – чтобы исследовать, колонизировать и европеизировать Бразилию. И ничто нагляднее не иллюстрирует низкосортность культурного материала, который (не в пример французам и голландцам) поставляли сюда португальцы, как то, что от них не осталось ни одного литературно значимого описания первой юности Бразилии – одни только письма иезуитов. Французы, напротив, уже через несколько лет издают труд об «Антарктической Франции», а Мориц Нассауский руками Барле⁶⁰ готовит великолепное, образцовое издание с гравюрами и картами, увековечивая свою славу и достижения.

Мориц Нассауский – одна из ключевых фигур в бразильской истории. Будучи гуманистом, он исповедует идею толерантности, допускает свободное сосуществование всех религий, способствует бурному развитию искусств, и даже местные старожилы не могут пожаловаться на притеснения. В Ресифи, названном в его честь Маурицстад, появляются дворцы, каменные дома и ухоженные улицы; географы начинают изучать окрестности города. Для развития сахарной промышленности устанавливаются новые гидравлические прессы, в торговлю включаются купцы, бежавшие из Португалии; вся общественная жизнь нацелена на стабильность и развитие. Португальцам сохраняют их права, туземцам – свободу. В определенном смысле Мориц Нассауский реализует тот же идеал мирного заселения, что и иезуиты; только те действовали из религиозных побуждений, а он – из гуманистических.

Однако судьба Бразилии решается не в Бразилии, а в Европе. В 1640 году Португалия снова отделяется от Испании и под властью Жуана IV восстанавливает независимость. А зна-

⁶⁰ Каспар ван Барле (латинизированная форма фамилии – Барлей) (1584–1648) – нидерландский ученый и писатель, автор стихов, исторических трудов и описания голландских колоний в Бразилии.

чит, отныне голландская оккупация лишена каких бы то ни было правовых оснований. Перемирие дает обеим сторонам передышку, но стоит Голландии, молодой морской державе, схлестнуться с еще более юной морской державой, Англией, как борьба за освобождение Бразилии разгорается вновь; и впервые разжигают ее национальные бразильские силы. На этот раз не столько Португалия, сколько сама колония борется за свое единство и независимость. Руководство вновь берут на себя представители церкви: они отдают себе отчет, что жизненно необходимо оградить новую землю от проникновения протестантских элементов, иначе Бразилию втянут в кровавую религиозную бойню, подобную европейской. В 1649 году отец Антониу Виейра, один из самых гениальных дипломатов своего времени, в противовес голландской компании создает в Лиссабоне *Companhia Geral de Comércio para o Brasil*, которая самостоятельно снаряжает флот, а на суше, заручившись поддержкой местных купцов, желающих вернуть себе плантации и сахарные заводы, сколачивает национальную армию. И тут происходит нечто неожиданное: в то время как Португалия продолжает торговаться с Голландией о судьбе побережья – какие земли и в каких границах останутся в руках голландцев и останется ли у них что-то вообще, – а португальский флот еще не прибыл, бразильцы берут дело в свои руки. Шаг за шагом они теснят голландцев, Мориц Нассауский покидает страну, и 6 января 1654 года капитулирует их последний оплот – Ресифи; голландцы окончательно изгнаны. Несбыточная мечта о королевстве «Лузиад» меркнет так же стремительно, как вспыхнула в миг португальского величия; зато Бразилия цела и невредима и остается сама собой.

В целом голландский эпизод в истории Бразилии можно считать большой удачей. Голландское владычество с его образцовым управлением держится достаточно долго, чтобы все смогли увидеть, чего можно добиться в этой стране, если все вопросы решать мирно и цивилизованно, – но не настолько долго, чтобы разрушить единство португальского языка и португальских обычаев; напротив, именно порожденная иноземным господством угроза формирует и стимулирует бразильское национальное чувство. Теперь вся эта колония, от северных до южных пределов, ощущает себя единым целым и полна решимости обороняться от любых посягательств на свое органическое существование, отвечая на насилие насилием: отныне всё чужеродное, если хочет здесь остаться, должно ассимилироваться. На первый взгляд кажется, что эта война возвратила Бразилию Португалии; на самом же деле она возвратила Бразилию ей самой.

В этом конфликте между португальцами и голландцами на сцене впервые появляется новый фигурант, чьи силы и качества пока никому неизвестны, – бразилец.

Этот тип складывается постепенно – и поначалу приобретает весьма противоречивые формы. На побережье и в континентальной части страны картина совершенно разная. В прибрежных городах происходит постоянный приток свежей крови – иммигранты, торговцы, моряки, рабы, – тогда как в глубине страны эта самая кровь беспрестанно перемешивается. Побережье в основном заселено торговцами и хозяевами маленьких примитивных производств; их истинное отечество – море, и они живут с оглядкой на Европу, куда устремляют свои товары и помыслы. Для колонистов же родина – это почва, и только она дает им полноценное чувство сопричастности.

Мужчины в глубине страны более энергичны. Существовая в условиях постоянной опасности, они привыкли к ней и даже отчасти ее полюбили. В Сан-Паулу формируется особый тип людей – paulistas. Это португальцы или потомки португальцев; в крови у них – и кочевая страсть туземных индейцев, и тяга к приключениям, унаследованная от европейских предков. Давно уже всю грязную работу за них выполняют невольники, но зарабатывать кропотливым трудом противно их кипучей натуре. На земледелии и скотоводстве большого состояния не сколотишь, если только не обрабатывать землю в промышленных масштабах, имея сотню рабов; и paulistas предпочитают обогащаться по методике конкистадоров: одним махом и нередко – ценой собственной жизни. Поэтому несколько раз в год жители Сан-Паулу собира-

ются в конные отряды так называемых *bandeirantes*⁶¹ и, подобно рыцарям-разбойникам былых веков, направляются вглубь страны: над ними полощется знамя, которое они предварительно со всей торжественностью освящают в церкви, а сзади тащится обоз со слугами и рабами. Иногда в таких *entradas*⁶² участвует до двух тысяч человек и на несколько месяцев в городе и окрестностях вообще не остается мужчин. Они сами не знают, что ими движет: то ли жажда приключений, то ли надежда отыскать что-то невероятное в этой огромной, неизведанной стране. С тех пор как были открыты богатства Перу и серебряные рудники Потоси, люди передают из уст в уста легенды об Эльдorado. Так может, оно расположено в Бразилии? В поисках заветных копей paulistas пробираются вдоль рек, карабкаются в горы, идут непроторенными тропами – туда, куда ветер поворачивает развевающиеся впереди *bandeiras*. А пока отыскать драгоценный металл не удастся, пока «Геркулес из Сертана»⁶³, Фернан Диаш, не обнаружит хотя бы изумруды, они довольствуются другой добычей – живыми людьми. В первые десятилетия *entradas* – не что иное, как разнузданная, безжалостная, свирепая охота на рабов. Паулисты могли купить негров на рынке в Баие, но им, похоже, и проще, и веселее скакать по джунглям и затравливать туземцев псами, как зайцев, наслаждаясь азартом погони. Однако в конце концов они приходят к мысли, что удобнее не ловить перепуганных индейцев по лесным чащобам, а попросту добывать рабов в колониях, где иезуиты их так замечательно разместили и даже уже обучили сельскохозяйственному труду.

Само собой, весь этот разбой абсолютно противозаконен, так как сам король гарантировал туземцам свободу, и Аншиета горько сетует: «*Para êste gênero de gente não há melhor prêgação que espada e vara de ferro*»⁶⁴. В погоне за наживой банды сводят на нет результаты всех многолетних усилий: опустошают колонии, сеют страх в умиротворенной земле, поработщают и грабят не просто беззащитных, но и окультуренных, обращенных в христианство людей. Паулисты стремительно размножаются, плодя полукровок, и набирают такую силу, что перестают бояться каких бы то ни было законов и запретов; даже папские буллы против этих *entradas* и *bandeiras* в дебрях *sertão* не имеют никакой силы. Охота на людей становится всё разнузданнее и проникает вглубь континента, и даже в начале XIX века мы находим у Дебре в «*Voyage pittoresque au Brésil*»⁶⁵ ужасную картину: жестокие охотники за рабами ведут голых мужчин, женщин и детей, привязав их, словно скот, к длинным палкам.

Тем не менее эти свирепые молодчики поневоле принесли стране массу пользы. Человека на всем протяжении истории гнала вдаль одна из самых мощных его потребностей – доходящая до самозабвения жажда быстрой наживы: именно она влекла за море финикийские корабли и манила конкистадоров на неизвестные континенты, она, будучи низменным побуждением, вела, однако, человечество вперед, не давая ему увязнуть в спокойствии и довольстве. Поэтому *bandeirantes*, руководствовавшиеся одним желанием – разорять и грабить, – парадоксальным образом вносят вклад в цивилизационное развитие Бразилии: необузданным и бесцельным стремлением вперед они способствуют колонизации. От Баии вверх по реке Сан-Франсиску, от Сан-Паулу вниз по рекам Парана и Парагвай, от Минас-Жерайс через горы к Мату-Гросу и Гоясу, они, продираясь сквозь джунгли, разведывают и прокладывают первые тропы по нехоженным землям: опустошая одни места, заселяют другие. Некоторые из них оседают по пути – так возникают новые очаги колонизации, центры, из которых прорастают новые «нервы» и «сосуды», пронизывающие неизвестные территории; ожесточенно противясь иезуитам с их терпеливым миссионерским планом, паулисты в нетерпении спешат вперед, в неведомое, и тем

⁶¹ Букв. «знаменосцы» (порт.).

⁶² Поход (порт.).

⁶³ Сертан (порт. *sertão*) – малоосвоенная пустошь в континентальной части Бразилии.

⁶⁴ «Для этого рода людей нет лучшей проповеди, чем меч и железный прут» (порт.).

⁶⁵ «Иллюстрированное путешествие в Бразилию» (франц.).

самым ускоряют освоение новых земель в полном соответствии с высказыванием Гёте о «части той силы, которая вечно хочет зла и вечно совершает благо». Так что bandeirantes тоже сыграли в формировании Бразилии немаловажную роль.

Эти же паулисты в одной из entradas добираются до необжитых горных долин Минас-Жерайс и там на реке Вельяс находят первое золото. Один из bandeirantes приносит весть об этом в Баию, другой – в Рио-де-Жанейро, и из обоих городов, равно как и из множества других мест, начинается массовое переселение в эти суровые края. Владельцы плантаций везут с собой рабов, сахарные заводы останавливают производство, солдаты бегут со службы; за пару лет в золотом регионе вырастает целое кольцо поселений – Вила-Рика, Вила-Реал, Вила-Альбукерке, – в которых проживает сто тысяч человек. Чуть позже обнаруживают алмазы. В одночасье Бразилия становится самым крупным источником золота в мире и самым ценным владением португальской короны, которая тут же назначает налог в размере пятой части от всего найденного золота и от каждого алмаза более чем в двадцать два карата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.